

Виталий Матвеевич Конеев

Генералиссимус с бантиками

Приключенческая сказка о девочках 6 лет

6+

Виталий Конеев

Генералиссимус с бантиками

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Конеев В. М.

Генералиссимус с бантиками / В. М. Конеев — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Приключенческая сказка о шестилетней девочке Кате, которая попала в нарисованный бабушкой мир, где спасла принцессу Кэт, придворную даму. Катя была произведена в генералиссимусы и выиграла сражения....Но на последней странице, как в детективе, Катя поняла, кто была Прекрасная придворная дама Люси....В сказке есть погони... явления... интриги... Есть пираты, разбойники, которые гнались за Катей и Кэт... Есть всё, что интересует детей от 7 до 90 лет.

ПРИТАИВШАЯСЯ СМЕРТЬ МОСКВЫ

Виталий Матвеевич Конеев

Посвящается юношам и девушкам Новой Формации

Детективный, фантастический памфлет в стиле «экшн».

ПРОЛОГ

2024 год. 16 мая

США. Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ.

В кабинет стремительно вошёл человек.

– Сэр, Синешопофф проснулся.

– Что он делает?

– Идёт в туалет.

– Ваш юмор не уместен. Вы отправили ему деньги?

– Да, двадцать тысяч, как всегда.

– Как он их тратит?

– Покупает колбасу и селёдку. Запивает водкой.

– В ресторан ходит?

– Нет. Сидит дома. Чётко выполняет...

– Молчите! Папку передали?

– Да.

– А этот... Он знает на кого работает?

– Нет.

– Ну, что ж, – раздумчиво сказал Директор. – Как говорят русские: «Карты сданы, господа присяжные заседатели, игра началась».

2024 год. Москва. 17 мая. 08. 00

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда прозвучал долгожданный звонок в многоканальном телефоне, министр Сучков Мефодий Петрович руководитель министерства по делам сношений с африканскими странами скупко улыбнулся и начал смотреть на секундную стрелку наручных часов. Он выждал тридцать секунд, включил на аппарате связь и начал топтать ногами на месте, чтобы тот, кто находился по другую сторону связи, слышал звук, заговорил с придыханием, словно на бегу:

– Так. Вот моё резюме: пять миллионов «зелёных», живыми. На высоте. И без шуток. Меня будут охранять снайперы. Всё!

Мефодий Петрович отключил связь и вновь скупко улыбнулся, глядя на телефон. Министр знал, что в его корпусе находилось подслушивающее устройство.

На «стрелку» министр всегда ходил один, так как его охранники, заместители, помощники и друзья вели дневники, кто-то «сочинял» мемуары и мог, не желая зла Сучкову или наоборот – желая зла, проговориться о том, что министр ежемесячно брал взятки.

Увидеть своё фото на страницах газет или на экране телевизора считавшим купюры взятки было бы хорошо, но Сучков не любил, когда в его интимную жизнь врываются фото – и тележурналисты.

Мефодий Петрович нажал пальцем кнопку на селекторе и наклонился к нему корпусом.
– Зина, я у президента на совещании. Буду на месте завтра утром.

Он прошёл сильным, твёрдым шагом в комнату отдыха, слегка притопывая подошвами туфель, по-военному. В комнате внимательно осмотрел своё лицо в зеркальной стене.

Министру недавно исполнилось пятьдесят семь лет. По мнению его ровесников, с этого года в жизни мужчины наступала пора второй юности. Да, он был хорош собой. Многие достигли к времени второй юности, но всегда помнил страстное желание, не реализованное в годы первой юности.

Когда ему было семнадцать лет, Мефодий Петрович великолепно владел степом...чечёткой. И как-то на танцевальной веранде в селе его приятель Юра Кобзарёв предложил ему выступить под рок-н-ролл, который играла на веранде Юрина бригада школьников.

Юра с губами толстыми и вечно растянутыми в добродушной улыбке понимал страстное желание Мефодия блеснуть перед толпой великолепным степом, который Мефодий обожал с детских лет.

Мефодий Петрович пристально вгляделся в своё отражение на зеркальной стене, как если бы вглядывался в тот далёкий вечер, скользнул ищущим взглядом по большой толпе юношей и девушек, которые плотной толпой стояли на круглой веранде в том её месте, где не горели лампочки. И там был сумрак. И в этом сумраке за спинами своих товарищей стоял скромный, стеснительный, но очень амбициозный и волевой паренёк. Его лицо горело от волнения. Он следил из-за спин юношей и девушек, как Юра настраивал гитару, озорно поглядывая в его сторону. Мефодию было жарко. Его сердце учащённо стучало в груди. А ноги почему-то начали трястись и ослабли. Он отступил к ограждению веранды, к горбылям, оперся о них дрожащей рукой.

Мефодий вздрогнул всем телом, когда внезапно раздался бешеный темп рок-н-ролла, а две-три секунды спустя, Юра завопил хриплым голосом:

А зачем попу наган,

Если поп не хулиган?

А зачем попу и нож,

Если поп не носит клёш?

Одна лампочка горела на столбе веранды и освещала бригаду Юры и часть танцевальной площадки, конечно, пустой. Никто не решался первым выйти на круг. А Мефодий всегда мечтал выпрыгнуть на этот круг и, танцуя, как он умел, начать бить чечётку. Он это делал много раз перед Юрой, и тот потрясённо качал головой. А сейчас Юра, вопия песню, ждал прыжок Мефодия. Раздражённо крикнул:

– Федя, давай, грузи! Народ ждёт!

Но Мефодий в это время прорывался сквозь заросли лопуха, мчался по тёмному саду в сторону улицы, презирая себя за трусость.

А сегодня Мефодий Петрович решил выступить в ресторане, бесплатно и в гриме. Он хотел убить своим дерзким нынешним поступком тот трусливый давний поступок, который мучил его всю жизнь.

Министр отступил к сейфу, набрал номер кода, открыл толстую дверцу и взял с полки театральные реквизиты: усы, бородку, широкие густые брови, а так же пачку сигарет и зажигалку, хотя был некурящим. В этом гриме он всегда ездил на «стрелку» или гулял по улицам города потому, что девушки всегда обращали на него внимательные взгляды. Иные заступали ему дорогу и, кокетливо улыбаясь, озорно двигая бедром, торопливо говорили:

– А у вас есть огонёк?

Он протягивал девушке зажигалку. Незнакомка смотрела на него, не торопясь прикурить сигарету, улыбалась и говорила:

– Какой вы интересный мужчина. А можно с вами познакомиться?

– Я на работе, – мягко отвечал Мефодий Петрович, скупое двигая губами. – Извините. Я спешу.

И он шёл дальше по улице, ощущая себя юным и успешным человеком.

Мефодий Петрович покинул свой кабинет через запасной ход. На лифте он спустился в подвал здания, а затем по узкому подземному коридору прошёл в соседний квартал. Коридор упирался в небольшой гараж, где стояли две иномарки не престижных моделей.

В те минуты, когда Мефодий Петрович ждал сигнал в многоканальном телефоне, его секретарша Зина вела тихий разговор по мобильному телефону со своим новым другом Игорем. Селектор был включен, и она слышала то, что сказал министр в свою трубку. А после того, как Сучков простился со своей секретаршей, она со вздохом облегчения и намёком в голосе сказала Игорю:

– Ну, всё. Мой шеф поехал за взяткой на «стрелку», а я теперь свободная.

– А какая сумма? – спросил Игорь и громко зевнул.

– Пять миллионов «зелёными», живыми.

– Ого. Это серьёзно, – откликнулся Игорь, вновь ещё более громче зевая. – А он едет с охраной или как-то иначе?

– Он это делает один, – с чувством гордости за своего смелого шефа ответила Зина.

– А как он это делает? – вдруг очень мягко спросил Игорь и быстро добавил: – Сегодня я приглашаю тебя в лучший из лучших ресторанов. И будет подарок.

Зина покраснела от удовольствия и начала подробно рассказывать, скользая взглядом по столу и раскачиваясь на кресле из стороны в сторону, но вот её взгляд остановился на обыкновенном перекидном календаре. На странице сегодняшнего дня было написано рукой Зины «Не забудь, дурочка, что в этот день тебе позвонит бандит Игорь. Будь осторожней! И посмотри в зеркало на морду своего лица и спроси себя: почему он звонит тебе?»

Прочтя непристойную самокритику, Зина быстро посмотрела на своё отражение в зеркальной стене. Она была эффектной, симпатичной девушкой тридцати пяти лет, но всегда не нравилась самой себе. А Игорь был вторым парнем в её жизни за последние пятнадцать лет... причём, первый парень бросил Зину двадцать лет назад.

Игорь был руководителем охранной фирмы «Не стреляй». Так у него было напечатано на визитной карточке. Но Зина легко узнала, что такой фирмы не было ни в городе, ни в стране.

«Ох, дура, что я сказала бандиту», – зло подумала Зина и отметила, что голос Игоря исчез, а вместо него в трубке начали раздаваться прерывистые сигналы.

Зина метнулась в кабинет шефа, но дверь была закрыта на замок изнутри. Она едва не оборвала шнур своего мобильного, что висел на её шее, и опустила руку, вспомнив, что Сучков никогда не брал с собой телефон, уходя на «стрелку».

Зина на предельной скорости помчалась по канцелярии министерства к лифту. На бегу кому-то деловито проговорила:

– Опаздываю в больницу... Тётушка с приступом...

Кабина медленно, словно нарочно, двигалась вниз, а Зина свирепо глядя на зеркальную стену кабины, полным ярости голосом цедила сквозь зубы:

– И зачем ты родилась на это свет? Уж лучше бы не появлялась!

Она вихрем промчалась по коридорам и загородкам охраны, громко стуча каблучками босоножек, выскочила на улицу и долго не могла открыть ключом замок на своей машине. Руки тряслись от злости на саму себя. Наконец Зина открыла замок и скользнула в салон за баранку. А через минуту Зина уже тормозила перед входом в огромный двор коробки старинного здания, который занимал собой целый квартал. Со двора одна за другой выходили машины. Зина напряжённо вглядывалась в лица водителей. Увы, она никогда не видела шефа в гриме, она не знала номера его секретных иномарок. Один мужчина ей показался интересным. Она завлекательно улыбнулась ему и показала сигарету, словно просила зажигалку. Но он не остановился.

Это был, конечно, Мефодий Петрович. Он с трудом удержал на своём лице скупую улыбку, по виду которой Зина легко узнала бы своего шефа. Сейчас он был в другом мире. А в левом внутреннем кармане его пиджака лежал паспорт без прописки на имя Геннадия Петровича Загоруйко с удостоверением слесаря – сантехника пятого разряда.

Мефодий Петрович, само собой понятно, был авантюристом, как и всякий знаток степа. В его голове звучали бешеная музыка рок-н-ролла, песня Юры «А зачем попу наган?» и громкий звук степа.

Он вывел машину на улицу, откинулся на спинку кресла и скупое двинул губами, с необычайной твёрдостью в голосе говоря:

– Сегодня я сделаю это!

Когда двор опустел, Зина в состоянии сильнейшего раздражения, воскликнула, сжимая сильные кулаки:

– Ну, чем бы пристукнуть себя?! – и мысленно увидела, как она стучала свою голову о стену, бетонную.

Самое неприятное для девушки было то, что Зина никогда не видела Игоря. А свою визитную карточку он прислал ей по обыкновенной почте, хотя познакомился с ней по интернету. И мог отправить Зине свои реквизиты по электронной почте, но там обязательно был бы обратный адрес. А на конверте обратного адреса не было, и Зина сразу поняла, что Игорь обыкновенный бандит. И, восхищённая тем, что наконец-то получила первое за всю свою долгую жизнь письмо, да ещё от мужчины, осыпала страстными поцелуями конверт и визитную карточку.

Зина прекратила мысленно обстукивать саму себя о бетонную стену и метнула руку к «бардачку». В нём лежал рисунок, который сделал Мефодий Петрович. У него была привычка во время заседаний, во время деловых бесед по телефону рисовать что-либо на бумаге. Иные рисунки Зина хранила у себя дома, а этот рисунок министр сделал вчера во время сложного разговора по телефону. Зина развернула сложенный вчетверо большой лист, на котором, по сути, была изображена карта Промышленной зоны, где Мефодий Петрович «забивал стрелку». Зина торопливо заскользила взглядом по карте, как вдруг за окошком её машины с левой стороны появилась рука и постучала пальцами по стеклу. Девушка включила механизм, опускавший вниз стекло и оторвала взгляд от карты. Увидела, как в салон стремительно просунулась рука с баллончиком и из него с негромким шипящим звуком вылетела струя газа. Она ударила в лицо Зине, и девушка тотчас потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, то сразу вспомнила карту, но карта исчезла. Зина, ещё надеясь, быстро осмотрела салон, потом заглянула в «бардачок» и даже подняла кресло, предполагая, что в состоянии бесчувствия она могла спрятать карту под кресло. Но под креслом её рука наткнулась на обыкновенную женскую сумочку. Зина никогда не носила с собой сумочки, потому что считала себя юной девушкой. А сумочки носили зрелые или старые женщины.

Зина положила сумочку на колени, раскрыла её и сильным жестом руки вынула из сумочки пистолет «Вальтер». Его привёз с войны дедушка Зины Макар Егорович, brave старшина. Он хотел научить стрелять из «Вальтера» свою дочь, говоря ей: «Это дело в хозяйстве всегда пригодится». Но та наотрез отказалась. А внучка уже в детстве проявила огромный интерес к пистолету. И дедушка охотно научил её стрелять из «Вальтера». А перед смертью сказал Зине свои последние слова:

– Целься неторопливо. Зря патроны не жги. Стреляй наверняка. Ну, будь, – и умер.

Зина выбросила из рукоятки на ладонь обойму, осмотрела верхний патрон на предмет: не отсырел ли? Потом привычно и умело вернула обойму в рукоятку пистолета. Передёрнула затвор, вогнав патрон в ствол, поставила затвор на предохранитель и сунула пистолет за пояс белых брюк. После чего Зина аккуратно застегнула пуговицы белого жакета.

В то время, когда Зина пробегала по канцелярии, Апония Стальевна, зрелая женщина, хотя она всем говорила, что ей двадцать пять лет – нарочно поставила на свой стол сумочку, чтобы все видели её. Так как Апония Стальевна считала, что только юные девушки носили с собой на плече сумочки. Апония Стальевна, продолжая работать над сложным кроссвордом, зло покосилась на бежавшую мимо неё секретаршу и громко сказала, чтобы Зина услышала её:

– Давно не молодая, потому и сумочку не носит.

– Опаздываю в больницу... Тётушка с приступом... – скороговоркой ответила Зина.

Апония Стальевна повернулась к сидевшему за стеклянным барьером Евгению, парню двадцати шести лет, и, тыча желтоватым от никотина большим пальцем в сторону убежавшей секретарши, громко, чтобы услышали все сотрудники канцелярии, каркнула:

– Потому и опаздывает, что с приступом!

Она курила только красную «Приму» и была членом КПСС более тридцати лет.

Евгений отключил связь на «мобильнике» и слегка помассировал пальцами нижнюю челюсть, так как долго смеялся. Он никогда не опаздывал на работу. Энергично срывал с себя пиджак, бросал его на спинку кресла, засучивал рукава рубашки и, не тратя ни секунды, приступал к работе: звонил своим женщинам. Сейчас он озадаченно посмотрел в лицо Апонии Стальевны, задержал взгляд на её густых усах и высоко поднял брови, словно спрашивал женщину: о чём она говорила?

– Да вот, то и говорю. Ишь, побежала. Шеф, конечно, пообещал ей отстегнуть энную сумму от новой взятки – каркнула Апония Стальевна.

– Вы, наверное, завидуете успеху девушки, а, Апония Стальевна?

– Я!?! – взревела нечеловеческим голосом женщина, отшвырнув от себя кроссворд и рванув к себе двумя руками сумочку.

Её душу очень больно уязвили слова Евгения, когда он назвал Зину – старую деву! – девушкой. Она так сильно сжала пальцами сумочку из кожзаменителя, что поддельная кожа затрещала. Да, оно и понятно, что сумочка была итальянской и рассчитана на слабые руки романтических женщин, но не для мужественных пальцев Апонии Стальевны.

– Зинка вьётся вокруг шефа. А напрасно... Я его трусливую душонку знаю... помню... Шеф каждый месяц за «мойку» ворованных денег получает взятку. Он переправляет валюту в банки наших африканских клиентов, а потом переводит на легальные счета воров.

– Ну, кого этим удивишь сейчас... в 2024 году, – протянул Евгений, набирая на трубке номер. – Тем более, наш Мефодий Петрович, и вы, наверное, читали в газетах... по мнению СМИ будет избран наследником президента России.

– Вот потому я и думаю, что они оба украли последний транш МВФ.

– Об этом уже кричали газеты полгода назад. Что это вы вспомнили старое? – спросил Евгений, прижимая трубку к уху.

Слово «старое» больно резануло слух Апонии Стальевны. Она восприняла неприличное слово, как намёк на свои далеко не молодые годы. Она крепко держала в руках сумочку, а мысленно держала в руках автомат «Буря» и расстреливала ненавистных ей шефа, Зинку и Евгения. Они прыгали и прятались под столами от потока пулемётных очередей, а Апония Стальевна смеялась.

Она запрокинула голову и, широко открыв рот, расхохоталась, чувствуя облегчение в душе и продолжая с удовольствием наблюдать, как она «мочила» из автомата своих врагов.

Ожидая включения связи, Евгений рассеянно посмотрел в окно на широкий проспект, по обе стороны которого стояли плотно друг к другу брошенные машины, так как бензин стоил очень дорого. А зарплату люди не получали уже два года, потому что цена нефти понизилась до шести долларов за баррель. Но в министерстве нищета страны не ощущалась. Высокую зарплату сотрудники получали регулярно, благодаря стараниям Мефодия Петровича. Евгений получал десять тысяч долларов в месяц, что позволяло ему два раза в год ездить по странам

и континентам. А вот за пределы Москвы он не решался ездить на машине, так как на всех дорогах, на обочинах стояли плотными шеренгами люди и, протягивая раскрытые ладони в сторону машин, вразнобой кричали:

– Подай!

И ненавидяще смотрели на водителей. Но напрасно Евгений боялся ездить на машине на свою дачу, потому что люди уже не выходили на дорогу, потому что президент устно, как обычно, приказал полиции: «Разгоните сброд! стыдно перед границей!» Слово «подай» стало модным на ТВ, радио, в газетах. Тележурналист Смольный, он же депутат Думы, плясун и сказитель создал новую программу под названием «Подай!».

На сцене озорно скакали и плясали голые девушки и юноши, прикрывая свой срам ладонями, и пели слово «подай». На всех каналах ТВ бурлила весёлая, сытая, красивая жизнь. Люди не отрывали взглядов от экранов телевизоров днём и ночью (и даже в туалете), потому что работы не было, сидели дома. Разумеется, все каналы ТВ делали опрос телезрителей: хорошо ли им живётся в 2024 году? Ответ был один: «Хорошо!» Это отвечали те граждане, у которых работали телефоны и, конечно, была хорошо оплачиваемая работа...

Что-то блеснуло за окном, и Евгений перевёл рассеянный взгляд на противоположную сторону улицы, на верхний этаж семиэтажного здания. Кто-то стоял перед раскрытым окном и через трубку снайперского прицела осматривал министерский особняк. Но вот он увидел, что Евгений смотрел на него, и быстро попятился в глубину комнаты.

Полковник Смага писал рапорт в министерстве МВД о состоянии боевого имущества своего отдела полиции, и уже аккуратно вывел слова «...а так же осиновый кол...» как вдруг прозвучал резкий звонок телефона, который мгновенно убил в голове полковника недописанную мысль. Он в изумлении уставился на слова «осиновый кол», спросил себя: «А что я хотел сказать?» И снял трубку.

– Да, говорите. Полковник Смага слушает.

– Я доброжелатель. Моя кличка «Нерон», – откликнулся машинный голос, смоделированный компьютерной программой.

Смага прикрыл трубку широкой ладонью и сказал в селектор:

– Делайте запись и узнайте: откуда звонок.

– Докладываю: сейчас в сторону Промышленной зоны, к заводу «Браво» едет на ворованной машине Г. П. Загоруйко. Паспорт фальшивый. Едет на «стрелку», чтобы получить пять «лимонов».

– В какой валюте?

– В долларах.

– Марка и номер машины? – скороговоркой спросил полковник, включая пальцем внутреннюю связь.

– Тойота-спринт. Номер 753 – Р – 13, – ответил Нерон и добавил: – «Стрелка» будет в десять утра. На разбитом этаже административного корпуса. Там проломленный пол. А над дыркой висит мост. И запомните... – связь внезапно оборвалась.

– Ну, что? Какой результат? – спросил Смага, глядя в сторону селектора.

– Звонок был через компьютер, подключенный к сети в Промышленной зоне. А говоривший использовал «мобильник», который он сломал сразу после подачи информации... «Мобильник» ворованный.

– Место звонка узнали?

– Не успел. Нерон сделал с помощью компьютера помехи. Я вёл пошаговое исчисление. Это район с радиусом в двести метров, а центр – здание министерства по делам... забыл... что-то неприличное...

– «По делам сношений с африканскими странами», – чётко ответил Смага и приказал по внутренней связи: – Сися, Тятя, Дядя, на выход! Всем одеть бронежилеты!

Он вскинул к лицу левую руку с наручными часами. Время было 09.00.

Мефодий Петрович покинул гараж в 08.30 утра, так как предполагал, что по дороге к месту встречи мог надолго остановиться в автомобильной «пробке». Их давно уже не было в городе, но Мефодий Петрович, как и всякий министра, плохо знал реальную жизнь своей страны. Он вспомнил, что сегодня утром президент должен был приехать в ГосДуму и выступить перед депутатами нижней палаты с очередным докладом об экономическом состоянии страны. Он обязан был появиться в зале заседания ровно в 10.30.

Мефодий Петрович включил телевизор на панели приборов. Зал ГосДумы был полным, но депутаты ждали не президента, а выступление своего коллеги Смольного, который обещал исполнить новый «хит», над которым он работал более месяца. Смольному было пятьдесят семь лет, но он, по моде времени, всем говорил, что он юноша двадцати пяти лет.

Депутаты в полном составе собрались в Думе только потому, чтобы посмотреть по бесплатному думскому ТВ выступление Смольного. Вначале за кадром прозвучал голос Смольного, хриплый, сильный:

– Я в муках работал над этой песней. И, наконец, родил её. Я исполню её под рок-н-ролл пятидесятых годов.

И вот он выскочил на сцену прыжком, совершенно голый, прикрывая свой срам рукой, и закричал, страшно указывая пальцем в камеру:

– Я юноша, сейчас поставлю всех вас на уши!

В глубине сцены встала за инструменты группа «Подай – подай». И тотчас эфир потряс бешеный рок-н-ролл. А Смольный, лихо отплясывая на сцене, одной рукой прикрывая срам, а второй – угрожающе тыча в камеру и строго глядя в неё пронизательным взглядом, завопил:

А зачем попу наган,
Если поп не хулиган!?

А зачем попу и нож,
Если поп не носит клёш!?

Мефодий Петрович изумлённо вскрикнул и едва-едва удержал машину на прямой линии.

– Мерзавец! Это моя песня далёкой юности! Я её сочинил сорок лет назад!

Депутаты ГосДумы вскочили со своих мягких кресел, аплодируя Смольному. Многие из них кричали:

– Bravo, юноша Смольный!

Операторы телеканала показали реакцию юношей и девушек, которые в школах, колледжах, в ВУЗах смотрели утреннюю программу. Всюду была одна и та же реакция: юноши и девушки аплодировали и визжали. Успех выступления Смольного, как всегда, был великолепным.

Мефодий Петрович, тяжело дыша, остановил машину и вышел из салона, бормоча:

– Как он посмел украсть мою... мою... И я не смогу доказать, что песня моя. Никто не поверит. Смеяться будут надо мной, мол, решил примазаться к славе Смольного. Ну, и мерзавец!

А за его спиной в телеприёмнике уже звучал голос пресс-секретаря Патриархии:

– Владыка Вячеслав благословил Смольного, потому что действительно священнику нельзя держать в руках холодное и огнестрельное оружие.

Пресс-секретарь замолчал, глядя в одну точку и прижимая пальцем микронаушник в ушной раковине, потом вновь ликуяще заговорил, счастливо улыбаясь на экране телевизора:

– Владыка узнал, что Смольный давно мечтал попасть в лоно церкви. Владыка решил собственной рукой крестить Смольного и рукоположить его в сан диакона за мирской подвиг.

Мефодий Петрович глубоко вобрал в лёгкие воздух, пришёл в себя и, кривя губы гримасой презрения, сказал:

– А песня была глупой. Я боялся признаться, что стихи были мои. А когда Юра исполнил песню, то все смеялись над ним и говорили: «Только такой драк, как ты, и мог сочинить такую глупость!»

Мефодий Петрович громко рассмеялся, ощущая в душе непонятную боль, смахнул с лица слёзы и твёрдым, уверенным шагом направился к дверям парикмахерского салона, перед которым он остановил машину.

Перед большим овальным окном стояла очаровательная девушка маленького роста...сто пятьдесят пять сантиметров. Несмотря на высокие каблуки, Катя всё равно выглядела маленькой. Когда она видела себя в зеркало полностью, то огорчалась до слёз. К тому же ей было девятнадцать лет, и она уже стыдилась своего большого возраста. Катюша давно мечтала познакомиться с парнем, у которого был бы высокий интеллект и высокие доходы, а в карманах лежали бы большие деньги. И такой парень два дня назад появился в поле её зрения, за окном салона в школьной форме ученика одиннадцатого класса, престижного класса, после окончания которого, ученик становился студентом государственного ВУЗа, без вступительных экзаменов.

Юноша не замечал Катю, хотя она подпрыгивала вверх за окном и даже махала рукой. На его грустном лице отражался очень высокий интеллект, потому что два дня назад в метро у него украли школьный паспорт, по которому школьник мог бесплатно ездить на любом государственном транспорте по городу, кушать бесплатно в школьной столовой, посещать бесплатно интернет-кафе...

В школу Женя начал ходить пешком, а чтобы сократить расстояние, он шёл через Промышленную зону мимо парикмахерского салона.

Девушка хоть и переживала, что она маленького роста и больших лет, но она знала, что была очаровательной. И вот сейчас, когда к дверям подходил солидный мужчина, мимо салона с опущенной головой шёл Женя...шёл в третий раз...

Катюша сделала прыжки, весьма высокие, и движения руками – вверх и в стороны, однако юноша не оторвал сосредоточенный взгляд, направленный прямо перед собой. Униженная таким поступком Жени, Катюша распахнула окно и свирепо крикнула:

– Ты не нравишься мне! У тебя низкий интеллект, а я люблю умных парней!

Женя услышал девичий крик, что прозвучал сбоку в дести шагах от него, удивился тому, что девушка так громко занималась разборкой со своим бойфрендом, и ускорил шаг. Катюша охнула оттого, что парень никак не отреагировал на её замечание, довольно вежливое среди молодёжи, и в ярости показала его спине кулак. А голос Кати процедил сквозь зубы, сам собой, то, что всегда говорили или думали все девушки в подобной ситуации:

– Я тебе отомщу. Ты меня не знаешь...

Да, она сказала правду: Женя не знал Катюшу и не догадывался о том, что такая девушка жила на планете Земля.

– Но ты узнаешь меня, – добавила Катя, глядя в спину уходившему парню.

Да, он узнает её через тридцать минут.

Едва Смольный, уже не прикрывая свой срам рукой, вышел за пределы сцены – так как среди творческих людей не принято было скрывать друг от друга свой срам – к нему метнулся думский помощник, держа в руках «мобильники», которые издавали сигналы. Звонили представители иностранных телестудий, которые вели прямой репортаж из ГосДумы в ожидании выступления президента. Просьба к Смольному была одна: продать лицензию на прокат видеоролика с исполнением его необычной песни о миролюбивом священнике. Он тут же, не надевая трусы, начал продавать песню по высокой цене. Смольный умел делать деньги. Вдруг он услышал в очередной трубке машинный голос:

– Есть особо «жареный» факт, который запомнится вами на всю жизнь.

– Говорите поточнее, – настороженно попросил Смольный, ведь он был и журналистом по особо «жареным» фактам.

– Сейчас в сторону Промышленной зоны, к заводу «Браво»... – начал быстро говорить машинный голос.

Когда человек, позвонивший Смольному, закончил передавать ему информацию, он стремительным жестом руки опустил «мобильник» на пол и раздавил хрупкий аппарат каблуком обуви.

В это раннее утро на пригородном аэродроме приземлился большой самолёт африканской республики Соуменда. После долгой пробежки по взлётной полосе он свернул на стоянку дипломатических самолётов. И замер. К нему не спешили машины технического обслуживания, заправщики. В его хвосте щёлкнули замки, и от самолёта вниз медленно опустился широкий трап, по которому могли пройти вверх и вниз грузовые машины. Но сейчас по трапу спустились вниз четыре чернокожих африканских коммандос в камуфляжной форме с автоматами «Буря» на шее.

– Растудыт твою мать! – воскликнул один из них. – Да здесь холодно!

– Мишка, ты просто отвык. Здесь тепло.

Боковой люк открылся, и из него выглянул чернокожий африканец и негромко, но властно сказал:

– Прекратите говорить на русском языке!

– Дык я не знаю других языков, – откликнулся Мишка.

– Тогда молчи. И смотрите в оба. Ждать придётся долго.

– А вдруг подъедет кто-нибудь из Соуменда и спросит что-нибудь?

– Говори ему: « У хе ка». Это вроде нашего «Пошёл ты на х...» Но помягче.

Мефодий Петрович сел в кресло перед зеркалом и сказал Катюше:

– Постригите меня... – он презрительно фыркнул и добавил: – ... под юношу Смольного.

И поморщился лицом, услышав в радиоприёмнике повтор песни « А зачем попу наган?» Мрачно и неприязненно рассматривая своё отражение в зеркало, он сердито мысленно говорил: «И зачем я придумал эти стихи? Ведь я был не верующий и таким остался... Сейчас раскрутят этот бред. И он уйдёт на Запад, потому что там обожают религиозные песни. Хлебом не корми...»

– Кого хлебом не кормят? – удивлённо спросила Катюша.

У девушки была хорошая память. Благодаря этой памяти, Катюша отметила, что клиент уже полгода ходил в салон один раз в месяц, седьмого числа в десятом часу утра. И всегда оставлял на столике крупную купюру. Вот и сейчас, когда он поднялся с кресла, то положил на журнальный столик бумажку в тысячу рублей.

– И запомните, Катюша: я сюда не заходил.

– Как не заходили? Вы вот... здесь, – и она показала руками на пол.

Мефодий Петрович вспомнил то, что в подобной ситуации сказал герой детектива: «Остановись или стреляю!» и, скупно двигая губами, заговорил:

– Я вам плачу за скромность. А теперь проводите меня через служебный вход.

Во дворе министр неторопливо сел за баранку второй свой «Тойоты» и поехал на параллельную улицу. Он любил детективные романы, поэтому знал, что, идя на сложное дело, нужно было использовать «подставы», «петли» и часто смотреть себе за спину. Но Мефодий Петрович не умел и не знал, как смотреть себе за спину, потому что никогда в своей жизни не оглядывался, не смотрел по сторонам.

Промышленная зона тянулась на десять километров и была огорожена бетонным забором, в котором были дыры – маленькие и большие. И хотя через большие дыры могли проехать машины любой величины, на равном удалении друг от друга стояли железные ворота, а в дежурных комнатах сидели охранники. Они ничего не охраняли, потому что все заводы

и комбинаты зоны давно были разворованы. Шум, что порой раздавался в глубине зоны, был не рабочим. Это сами собой разрушались потолки, крыши, стены зданий. Но на бумаге зона продолжала работать, штатные единицы получали за мифический труд хорошие деньги.

Мефодий Петрович, не выходя из машины, протянул в ладонь охранника, что высунулась из окошка дежурной комнаты купюру в пятьсот рублей. И ворота, свежеекрашенные в синий цвет, медленно без скрипа, так как были тщательно смазаны маслом, раздвинулись в стороны. И Мефодий Петрович въехал в Мёртвый город, где были улицы, площади, автомобильные и железные дороги и огромные здания с тёмными от грязи мрачными окнами.

Административный корпус завода «Браво», как и сам завод, был показушным. Он был построен советской властью, чтобы показывать иностранным делегациям высокие достижения социализма. По обеим сторонам корпуса стояли огромные башни, в которых спиралью шла автомобильная дорога, чтобы работники администрации легко и быстро могли подняться на свой этаж.

Иностранцы удивлённо качали головами, говоря, что у них пока такого нет. Они не знали, что у сотрудников администрации своих машин не было. А те машины, которые то и дело двигались вверх-вниз, водили группы гонщиков. Огромный завод «Браво» с великолепной техникой ничего не производил, а только показывал работу, поэтому с развалом Советского Союза завод был законсервирован и разворован.

Мефодий Петрович ехал по улицам Мёртвого города, чувствуя себя так, как если бы он находился на чужой планете, в далёком космосе. Ему казалось, что тёмные окна, как глаза людей, смотрели на него. Следили за ним. Он увеличил скорость, чтобы избавиться от неприятного ощущения. Впереди по другую сторону Т-образного перекрёстка возвышалось девятиэтажное административное здание завода «Браво». Все его лестницы обрушились, как и перекрытия этажей, кроме девятого этажа, потому что его строили «на совесть». Он должен был удерживать на себе много машин.

Поглядывая на циферблат наручных часов, министр въехал на спиральную дорогу башни и начал подниматься по ней наверх девятого этажа. А там направил машину по сумрачному широкому коридору в центр этажа. В центре плоская крыша и пол были проломлены упавшим башенным краном. Провал в полу был длиной в шесть-семь метров. Над ним висел мост – железная пожарная лестница с низкими железными перилами из прутьев, а на ступенях лестницы лежали доски. Под мостом всегда было темно, поэтому те, кто встречался на мосту, не ощущали высоту. И шли навстречу друг другу, как по ровной дороге.

Министр остановил машину и услышал далёкий рёв двигателя во второй башне. Он усмехнулся. Этот человек всегда опаздывал на встречу, ровно на минуту. Вскоре он появился на этаже. Мигнул трижды фарами машины и подъехал к пролому. Опустил стекло и, не двигаясь с кресла, окликнул министра:

– Это вы, Мефодий Петрович?

Министр с трудом удержал себя, чтобы на лице не появилась гримаса досады и раздражения, подумал: «Ну, зачем эта игра?...хотя, конечно, всё понятно».

Он бодро, так же, не двигаясь в кресле, ответил:

– Да, это я. Здравствуйте, Савелий Кузьмич.

Савелий Кузьмич выдернул с заднего кресла один за другим два чемодана. Они были необычными, очень крупными. Да и взятка была крупной.

Савелий Кузьмич шёл к мосту медленно, и министр нарочно выдержал несколько секунд, наблюдая за ним сквозь лобовое стекло машины, тихо, сквозь зубы, цедя:

– Ну, зачем этот концерт? А, вероятно, у него есть пунтик, которым могли бы заинтересоваться психиатры, если бы он... Но ведь я тоже игрок. А кто не играет в этой жизни, тот прочно сидит в заднице».

Он опомнился и стремительно покинул салон, быстрым шагом направился к мосту, приподымая подошвами туфель, по-военному.

На лице Савелия Кузьмича был грим: усы, борода, кустистые брови и горбинка на носу.

Министр и Савелий Кузьмич сходились на мосту так, чтобы остановиться в середине его. Савелий Кузьмич скупно улыбался министру, и когда взойшёл на мост, тихо заговорил, но его негромкий голос разносился эхом по всем этажам:

– Мефодий Петрович, здесь не только бабки. Здесь папка, секретная, с чертежами того места... Код... нынешний год, а на папке – обратный. Но об этом мы поговорим во втором месте, в обычный час.

Мефодий Петрович принуждённо растянул губы, изображая добрую улыбку, хотя в душе вновь появилась досада и мысли: «Ну, конечно, где он вновь будет играть Савелия Кузьмича... Ох, как мне хочется сказать...»

– Савелий Кузьмич, я сделаю так, как вы предложили. Место и время я хорошо помню. Давайте чемоданы.

Они сделали последние шаги друг к другу, и Савелий Кузьмич уже чуть выдвинул тяжёлые чемоданы – «мыльницы» вперёд, а Мефодий Петрович протянул к ним руки, как вдруг где-то рядом раздался резкий, как выстрел, крик:

– Стойте на месте! Это взятка!

Савелий Кузьмич уже разжал пальцы, а министр сжимал свои пальцы на ручках «мыльниц», но в момент крика отдернул руки назад. И чемоданы исчезли в тёмном провале. Через две-три секунды внизу прозвучал треск материи, как если бы её разорвали тяжёлые чемоданы. Из двух комнат по обе стороны от провала выскочили полицейские, заломили руки Савелию Кузьмичу и Мефодию Петровичу, сковали их наручниками. И когда полицейские прижали обоих лицами к мосту, Мефодий Петрович, очень тихо, едва-едва слышно успел шепнуть Савелию Кузьмичу:

– Скажите... скажите..

Савелий Кузьмич холодно посмотрел на министра и ледяным голосом ответил:

– Я не понял вашу мысль. И не знаю: кто вы?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Женя уже опаздывал и ко второму уроку в школе, поэтому он бежал. В сумрачном коридоре, впереди бежавшего юноши, что-то рухнуло на кучу мусора. Женя остановился перед кучей мусора, на которую только что упали сверху два чемодана, и секунд пять удивлённо рассматривал их.

Далеко вверх прозвучал властный сильный голос Смаги:

– Дядя, Тятя – вниз. Подберите чемоданы. Сися, слей бензин. Быстро!

Женя запрокинул голову и увидел через дыру в брезенте, что висел на пятом этаже, полицейских, которые уводили с моста двух солидных мужчин, увидел полковника Смагу. Он, наклонившись над проломом, смотрел вниз.

Женя отступил к стене, но так как в коридоре первого этажа было сумрачно, то, как понял юноша, полковник не мог что-либо разглядеть в темноте провала. Женя уверенно шагнул к чемоданам, на замках которых стояли кнопки кода, по четыре на каждом замке, с цифрами.

Женя любил математику. Он опустил пальцы на кнопки и, как на компьютере, быстро и синхронно обеими руками набрал число «2 – 0 – 2 – 4», хмыкнул, когда увидел на контрольном окошечке на обоих замках красный огонёк. Осталось щёлкнуть замками и поднять крышки, но в это время он услышал тихие голоса, что стали звучать сверху. Женя вновь запрокинул голову.

Брезент был натянут на пятом этаже. Он закрыл собой весь провал. Сейчас в его дыру заглядывали два человека.

– Ну, что – нибудь видишь?

– Нет. Темно.

– Я же говорил тебе: купи китайский брезент. Его пушкой не пробьёшь, а ты, конечно, сэкономил. Теперь попробуй опередить копов.

– Я вижу кого-то. Кто-то внизу смотрит на нас. Но это не коп.

– А кто?

– Давай заговорим с ним.

– Эй, кто ты?– громким шёпотом спросил старший.

– Я человек, – шёпотом ответил Женя и деловито взял за ручки оба чемодана.

– Я вижу тень. Она взяла наше добро.

– Ты девка?– спросил старший.

– Да, – сказал юноша и посмотрел по сторонам, думая о том, куда ему сейчас направиться.

Он слышал топот ног двух бежавших в башне полицейских.

– Эй, девка, – заговорил старший. – Беги с чемоданами в заводской корпус. Там стоит наша машина.

– Но ведь это добро не ваше...

Женя едва не ахнул, только в этот момент догадавшись, что произошло над его головой... Бандиты «забили стрелку», а вторая банда выдала их полиции и приготовилась поймать на брезент чемоданы. Если он сейчас выполнит просьбу второй банды, то они убьют его, как свидетеля их преступления. Но если вторая банда пощадит его, то первая – никогда! А полицейские за взятку назовут его имя первой банде, которая начнёт искать Женю. И однажды... Он вздрогнул, мысленно увидев, как к нему на улице подошёл с вежливой улыбкой на интеллигентном лице мужчина и молниеносно вонзил в грудь нож.

– Эй, девка! Что ты заткнулась?

Женя медленно попятился от кучи мусора.

– Эй, девка, не дури. Мы тебя найдём. Ты будешь просить меня о смерти.

– Вот с этого, товарищ бандит, и начал бы свой разговор, – тонковатым, визгливым шёпотом ответил Женя.

– Ну, всё, девка. Я тебя заказал. Тебе хана. Я тебя всё равно найду.

Но Женя не слышал слова угрозы, так как коридор первого этажа наполнился грохотом топота тяжёлых ботинок, а он сам метнулся из коридора в комнату, с чемоданами в руках, закрыл за собой дверь и через окно выскочил во двор административного корпуса.

Женя был честным юношей, каковые уже начали нарождаться в воровской стране. Во время бега он понял, что в его душе неосознанно пробудился инстинкт крадуна, который передался ему через гены от многих поколений его рода. По этой причине Женя взял то, что «плохо лежало». А теперь нужно было исправить свою ошибку: вернуть добро хозяину, не только из страха перед бандой. Он знал, что всю оставшуюся жизнь его мучила бы память о воровском поступке. А Женя уже давно заметил, что жить по совести очень хорошо. Но он, стремительно мчась по Промышленной зоне, ощущал в душе сильное желание посмотреть на добро в чемоданах, хотя и догадывался, что это не честно по отношению к хозяину добра.

Ему преградили дорогу железные тележки с чугунными колёсами, на которых когда-то рабочие развозили по цеху тяжёлые заготовки и продукты умственного и физического труда. Женя бросил чемоданы на тележку, оглянулся, прислушался, отметив с досадой, что он вёл себя, как опытный крадун.

Далеко за его спиной раздавались крики, звучали команды, рёв машин и крик Смаги:

– Не смей, Смольный! Убери камеры, а то я пойду на крайность!

Однако камеры были включены, и шёл прямой репортаж в эфир, поэтому Смага, строго глядя в объектив камеры, сказал в микрофон, протянутый ему Смольным:

– Прошу по – хорошему: не мешайте трудовым будням полиции. Идёт плановая работа. Фамилии задержанных граждан пока называть не буду. Идём по горячим следам...

– Да, шеф, следы есть, – сказал, тяжело дыша, Тятя. – А чемоданы исчезли. Кто-то унёс.

– Прочесать всё в радиусе километра! – крикнул Смага, багровея лицом от чувства злости.

Он понял, что машинный голос использовал его – опытного сыщика – в своих целях, как подсадную утку. Две камеры смотрели в лицо Смаги, и он спохватился, потому что на его лице должна была отразиться гамма чувств от страдания, что его, как маленького ребёнка, обвели вокруг пальца. А телезрители, конечно, видя лицо Смаги на экране, легко могли понять, что его обманули бандиты.

Смага метнулся широким, стремительным шагом в микроавтобус, где был «обезьянник» и где под охраной «омоновца» сидели спиной друг к другу Мефодий Петрович и Савелий Кузьмич. Их поднятые вверх руки были прикованы к коротким потолочным цепям машины. На передней стороне «обезьянника» было широкое окно с решёткой и железной дверцей. Сейчас дверца была открыта, и оба задержанных смотрели на портативный экран телевизора, который находился впереди салона на панели приборов. На экране был заполненный депутатами зал ГосДумы. Депутаты смотрели по ТВ репортаж Смольного, поглядывали на наручные часы, чтобы этим жестом показать всей стране: как они были озабочены долгим ожиданием президента.

Мефодий Петрович и Савелий Кузьмич смотрели только на спикера нижней палаты Медного – Широкого. Он в то время, когда депутаты глядели на экран ТВ, резко опустив голову и прикрывая губы ладонью, разговаривал с кем-то по телефону. Положив трубку на рычаг аппарата, Медный – Широкий взглянул на наручные часы. Время было 10.20. Медный – Широкий, вероятно забыв, что он сидел на трибуне перед залом, полным депутатов и телекамер, а скорей всего, по привычке, не обращая ни на кого и ни на что внимание, поднял руку и начал чесать затылок. Этот жест рукой спикер палаты совершал всякий раз, когда попадал в трудные ситуации.

Женя рывком поднял крышку чемодана и без душевного трепета увидел пачки зелёной валюты. Он заглянул и во второй чемодан. Подсчитал количество пачек по горизонтали, по вертикали. Умножил, прислушиваясь к звукам в Промышленной зоне. И с удивлением отметил, что он находился рядом с обрушенной стеной забора, за которым была улица живых людей. И по улице в обе стороны проезжали машины. А в ста шагах от забора стояло то здание, где находился парикмахерский салон. Женя хорошо помнил, что он разминулся перед салоном с солидным бандитом, которому из окна делала сильные знаки его «подельница», маленькая очаровательная девушка, которая потом крикнула бандиту:

– Ты мне не нравишься!

«Девушка, наверное, занимает высокое положение в банде, если она так резко говорила с вожаком банды», – правильно догадался Женя. Он поискал взглядом вокруг себя, нашёл железный ящик, в который можно было спрятать чемоданы.

Уже через минуту Женя деловито катил тележку по улице, как вдруг на его плечо опустилась тяжёлая рука.

– Что везёшь, парень?

Рядом с ним стоял высокий полицейский Тятя с автоматом «Буря» на мускулистой шее.

– Ра... ра... ди...

– Ради чего? Говори точнее.

– Детали.

Полицейский заглянул в ящик, опустили в него длинные руки, покопался в мусоре, чихнул.

– Зачем они тебе?

– Я собираю аппарат, – убитым голосом ответил Женя, презируя себя за ложь, и подумал: «Мама будет плакать, когда я скажу ей про своё наглое воровство».

– Почему ты покраснел?

– Потому что стыдно воровать, – честно признался Женя.

– И всё-таки украл... А почему в Армию не идёшь отдать Долг Родине? – спросил Тятя, вновь опуская руки в ящик с мусором.

Нет, Тятя не любил мусор. Он показывал юноше с умным лицом, что относился к своей работе ответственно и честно. Перед другими людьми Тятя, само собой понятно, так себя не показывал.

– Я ничего не должен России. Она ничего не давала мне в Долг. Мама платила за меня России наличными деньгами. Только перед мамой у меня Долг.

Ответ Жени поразил Тятю настолько сильно, что он тотчас забыл о «работе».

– С этого места скажи подробнее, – сказал он книжную фразу.

– Родина – это вся страна, все 120 миллионов граждан. А Долг мог бы дать только государственный аппарат, маленькая часть страны.

– Ха! Ты здорово сказал, парень. Тебе нельзя идти в Армию, а то вернёшься дураком. А скорей всего, в гробу. Потому что там, таких умных, как ты, в сортир опускают головой вниз.

– Тятя, что это за политбеседа? – сказал подошедший к полицейскому Смага. – Иди за мной. Осмотри вторую машину.

– Они раскололись? – спросил Тятя, помогая Жене катить тяжёлую тележку.

– Нет, – задумчиво глядя вперёд, вдоль улицы, ответил Смага. – Я отправил их реквизиты, фото в интернет. Таких граждан в стране никогда не было. А сами они молчат.

– Может быть, они шпионы?

Смага опустил руки на широкую дугообразную ручку тележки и пошёл рядом с Тятей и Женей. Сейчас полковник страдал в душе от нанесённого ему оскорбления неизвестным машинным голосом, поэтому он забыл о субординации и начал толкать тележку вместе с рядовым полицейским, не догадываясь, что со стороны это выглядело довольно странно.

Их необычное поведение было отмечено тремя людьми из окон высотных зданий в Промышленной зоне. Из одного здания вниз смотрела Зина, а из другого – двое молодых мужчин.

Перед стоявшей машиной полицейские покинули уже привычное для них место за тележкой, а Женя оставил её и вошёл в салон.

Две девушки сидели за журнальным столиком и играли в «подкидного дурака». Женя сделал знак очаровашке, но та, при виде его, немедленно повернула крутящееся кресло спиной к нему. Тогда Женя быстрым шагом подступил к ней и тихо заговорил:

– Я знаю: вы из одной банды. Ваш босс или шеф арестован полицией в Промышленной зоне. Я должен передать вам его груз. Возьмите скорей.

У Кати сами собой округлились глаза, и она непроизвольно спросила, глядя на стену и старательно поворачивая кресло так, чтобы Женя находился за её спиной:

– Какой груз? Где?

– Вон там, на улице. Полицейские помогли мне привезти его сюда, – серьёзно и деловито сказал Женя

Катя посмотрела на улицу, перевела взгляд на вторую девушку.

– Ты поняла что-нибудь из этого бреда, Ксюша?

– Нет.

– Ну, не могу же я в двух шагах от полиции рассказывать вам, что мы привезли. Заберите груз, а мне в школу надо к третьему уроку попасть.

Услышав, что юноша спешил, и от неё зависело – отпустить его или нет – Катюша приятно улыбнулась, так как наступило время её мести.

– Я должна хорошо подумать: брать груз или не брать?

– Но ведь вы из одной банды? Скажите мне честно.

Женя видел, что девушка нарочно злила его, но юноша не злился, помня слова своей мамы: «Если на все обиды злиться, то и жить некогда будет».

Ксюша вдруг ласково улыбнулась Жене, поправила причёску и мягко, с чувственным придыханием в голосе сказала, словно Женя обратился к ней:

– Да, я из этой банды. И я буду, конечно, согласна, потому что уступчивая, встретиться с вами после работы.

Катя охнула в изумлении от предательства подруги и сердито прошептала Ксюше:

– Ты не из банды. Это я из банды.

– Нет, я. Идёмте, я приму груз.

Они обе вскочили с кресел и пошли за Женей на улицу, где в это время Смага и Тятя осматривали салон второй машины. Все трое встали за железную ручку и покатали тележку за угол здания, во двор. Там у входной двери служебного входа Женя вынул из ящика два чемодана и, направляемый девушками, прошёл в их комнату отдыха.

– Вы будете считать или так примете? – спросил Женя, уже готовясь покинуть салон.

– Будем считать, – ответила Катя.

И когда Женя открыл чемоданы, девушки ахнули, потому что давно не видели деньги... даже рубли.

– Сколько здесь? – очень тихо спросила Катя.

– Пять миллионов.

У девушек округлились глаза. Они растерянно смотрели на деньги секунд пять, а потом начали визжать. За дверью комнаты прозвучал сердитый голос менеджера:

– Вы что там, обкурились или пьяные? Немедленно откройте дверь!

Девушки захлопнули чемоданы, схватили их и побежали по комнате, продолжая визжать.

– Там что-то происходит, – сказал в машине Тятя, кивая головой на окно, за которым бежали девушки. – Похоже, дерутся.

Смага поморщился лицом. Он не любил, когда девушки пили водку, курили сигареты, ругались матом и дрались. Смага подошёл к окну и сильно постучал согнутым пальцем по стеклу. При виде полицейского, девушки тотчас замолчали и присели на корточки.

– Откройте! – кричал менеджер. – Или я сломаю дверь!

Девушки были сильные. Они на корточках перетаскивали чемоданы к платяному шкафу, сунули их внутрь, а потом туда же затолкали Женю потому, что он им нравился, и они не хотели расставаться с ним. Потому что девушкам нравились юноши новой формации, которых они видели только по телевизору. Когда они захлопнули дверцу и отступили на центр комнаты, Катя тихо сказала Ксюше:

– Он мой парень.

– А ты что – застолбила его? Он пока ничей.

В тот момент, когда они переводили взгляды на входную дверь, которая сотрясалась от ударов пяткой ноги менеджера, дружбы между девушками уже не было, хотя она началась с трёх лет в детском саду. Катя, злясь на Ксюшу, раздражённым голосом крикнула:

– Прекратите стучать! Дверь без замка! Вы сами сняли замок, чтобы шпионить за нами!

За дверью наступила тишина. Менеджер долго переживал неслыханное оскорбление, потому что у него была необычайно чувствительная душа, как у всякого начальника, который не платил зарплату своим работникам.

Ксюша к этому времени уже пришла в себя после слов бывшей подруги о том, что она говорила Ксюше «пещерным» языком... что Женя её собственность. Ксюша устремила пронищательный взгляд на шкаф и доверительно – мягко сказала Кате:

– Я его вчера видела на проспекте. На нём висели бананами одноклассницы... Говорят, что в последних классах на одного мальчика приходится по двадцать девочек.

Катюша начала осмысливать удар бывшей подруги, и её лицо стало задумчивым и даже грустным. Она не заметила, как в комнату быстро вошёл менеджер, толстый мужчина лет

сорока. Он встал перед Катей, чтобы разразиться гневом, но девушка довольно спокойно и властно сказала ему:

– Я сегодня куплю салон и уволю вас. Ищите заранее другое место работы.

Всю последующую минуту спикер нижней палаты Медный – Широкий молча прижимал телефонную трубку к уху. Ровно в 10.30 он медленным жестом руки опустил трубку на рычаг аппарата, встал с кресла, одёрнул на себе пиджак и торжественным голосом заговорил:

– Президент республики Россия исчез. Есть мнение, что он похищен. Последний раз его видели вчера, когда он в полночь шёл в кремлёвскую баню с берёзовым веником под мышкой... – Спикер глубоко вобрал воздух в лёгкие и на выдохе добавил: – В силу статьи Конституции, принятой в 2022 году, я возлагаю на себя полномочия Президента страны и главнокомандующего... Объявляю...

– Кому это выгодно?! – крикнул депутат Замойский.

Медный – Широкий метнул на депутата мрачный и тяжёлый взгляд, которого никогда раньше не было у спикера и громовым голосом, какой депутаты никогда не слышали у него, заговорил:

– Объявляю ротацию членов ГосДумы, сегодня после обеда. Засиделись. Пора и размяться: уйти в отставку.

Депутаты отреагировали на грозные слова спикера палаты так, как подсказывало им чутьё. Они в едином порыве вскочили с кресел на ноги и ударили в ладоши. Медный – Широкий всё-таки услышал в шуме аплодисментов телефонный звонок. Снял с рычага трубку.

– Поздравляю, – прозвучал в трубке машинный голос. – Ты будешь калифом на час, если...

– Кто вы? И почему говорите мне «ты»?

– Я тот, кто помог тебе стать Президентом. Одно моё слово и настоящий Президент появится в зале ГосДумы.

– Я не понимаю вас, – внезапно мягко заговорил Медный – Широкий, включив аппарат связи с ФСБ.

В трубке прозвучал смех.

– Ты напрасно нажал кнопку секретной связи с ФСБ. Правильно тебя в детстве звали «Тетеря»... то есть: дурак. Даю тебе, Тетеря, подумать один час, а потом... – в трубке раздался треск.

Медный – Широкий стремительным жестом пальца включил прямую связь с ФСБ.

– Ну, что узнали? Кто звонил?

– Это хакер. Он звонил по «мобильнику» через компьютер, подключенный к сети в Промышленной зоне. Чтобы скрыть место звонка, он поставил помехи, которые отразились на нашем пеленгаторе в виде тысячи точек подключений к сети.

– Найдите его любой ценой! – властно и жёстко приказал Исполняющий Обязанности Президента.

А так как в зале была тишина, и депутаты настороженно следили за каждым движением Медного – Широкого, то они слышали не только каждое его слово, но и его новую манеру говорить. Он же сильно нажал пальцем на кнопку многоканального телефона, что пульсировала красным сигналом. По другую сторону связи прозвучал сиплый дрожащий голос семидесятипятилетнего большевика Апельсинова Эдуарда, который отбывал пожизненный срок наказания в городе Шушенском за руководство запрещённой подпольной партией «КПСС»:

– Венька, скорей верни меня в столицу. Всё у тебя получилось правильно. И не забывай, что чистыми руками власть не возьмёшь.

Медный – Широкий взглянул на свою ладонь. Она была влажной и грязной.

Апельсинов в это время проводил пленарное заседание актива партячейки в подполье казино «Только для братвы». Владелец казино был «сочувствующим»...

Вождь партии Эдуард крупно встал перед единственной свечкой на столе, чтобы члены партии видели его потрясающее...особенно при слабом освещении... сходство с Лениным.

Нервным движением сильных, чувственных пальцев Эдуард подкрутил песочного цвета усы, почесал ленинскую бородку одноимённого с усами цвета.

– Ленин...Ленин...– восхищённо заговорили партийцы на задних скамьях, тогда как впереди сидевшим товарищам он показался Сталиным.

Эдуард скупно улыбнулся. Ему нравилась его многозначность лица. Он запахнул на груди студенческое пальто, какие носили студенты ВУЗов 100 лет назад, и заговорил:

– Наступило наше время. Верхи не могут править по-прежнему. Низы не хотят жить по – старому.

И он указал чувственным пальцем вверх и в сторону, то есть...во двор казино, где сейчас в предрассветных сумерках собрался взволнованный народ, не желавший по – старому бросаться скопом к мусорным бакам. Поэтому все жители окрестных и дальних домов, иные в кальсонах, в халатах – построились в очередь к четырём бакам. Люди ждали большой выброс пищевых отходов из ночного казино. О чём заранее сообщили им официанты. Люди оживлённо обсуждали триста пятнадцатую серию о любви миллиардера к простой свинарке.

Эту тему впервые подробно изложили писатели в романах 200 лет назад, а потом она перешла в кино. И теперь все телеканалы страны показывали многосерийные фильмы о любви богатого подростка или мужчины, старика к бедной, порой несчастной девушке. Но эта последняя серия взволновала город Шушенское, потому что во время заседания миллиардеров на заднем плане в кабинете появился голый Смольный, прикрывая срам рукой.

– Почему он прошёл по залу? – вот что волновало горожан в этот предрассветный час.

Умысел режиссёра сериала люди не могли понять.

А это был «пробный шар», чтобы оживить скучные серии фильма. Потому что зрителям надоело смотреть на то, что герои то и дело бросались под поезд, топились, травились.

Режиссёр Медальный в это утро получил с Дальнего Востока огромную серию вопрошающих посланий по интернету от телезрителей и с удовольствием потёр ладони. И решил повторить явление обнажённого Смольного в следующих сериях фильма «Свинарка и миллиардер».

После короткого разговора с Эдуардом Апельсиновым Медный – Широкий с трудом удержал на своём лице кирпичного цвета улыбку презрения, догадываясь, что сейчас ТВ показывало его лицо всей стране крупным планом. Но мысленно он рассмеялся и сказал: «Ты навсегда останешься в глубине Сибирских руд. Власть не делится надвое».

Эдуард Апельсинов на другом конце света в подполье казино скупно улыбнулся, чувствуя тайные помыслы бывшего товарища по партии, предавшего и партию, и вождя. Но сейчас, погружённый в мысли, знаками рук говоря товарищам, чтобы они приготовились к полёту в столицу, он понимал, что у него есть враг более опасный, чем другие враги – Смольный...

Уже мчась в машине в аэропорт, Эдуард чётко сказал:

– Когда мы захватим власть, то Смольного я отправлю на Колыму, поднимать залежные земли...

И он склонился над ученической тетрадкой, в линейку, быстро набрасывая тезисы будущих речей, бормоча то, что оставалось за пределами тезисов...как-то:

– Пошли они все на х...! Видел я их на х...! катитесь вы в п...!

Товарищи его партии ловили каждое слово своего вождя, иные для памяти записывали в записные книжки.

Работая над тезисами, он мысленно обозревал огромные просторы Сибири. Видел, как доярки в деревнях размешивали молоко с водой, чтобы увеличить надой. Видел, как плясали, азартно ухая, мужики на похоронах своего дружка Митяя, сгоревшего в пламени фенола, который он пытался сделать питьевым и с высоким градусом. Мужик погиб, но дело его рук про-

должало жить в делах его дружков, которые более осторожно работали с фенолом. И нафенолились так, что приняли похороны Митьки за его свадьбу с Анжелой, когда она целовалась на поминках с другим. Эдуард видел квартиры сибиряков, нищих и голодных, облепивших телевизоры, в которых сияла, сверкала красивая жизнь. Мысленно обозрев города, деревни, вождь, прищурюсь, так как он был близоруким, устремил пронизательный взгляд в будущее и сказал:

– Да, с этими людьми я и буду делать революцию, потому что других людей нет.

И тут же он увидел Смольного, поморщился красивым, энергичным лицом, крепко сжимая чувственной левой рукой апельсин. Эдуард, человек очень трудной судьбы, поэтому хорошо знавший глубинные, тонкие и деликатные стороны души людей, сказал своим товарищам, скупно двигая губами и глядя в зеркало над лобовым стеклом машины, что мчала его в аэропорт, видя себя по-прежнему молодым, каким он был пятьдесят лет назад:

– Записывайте: хрен редьки не слаще. Смольный потому на экране закрывал свой хрен, что ему нечего показывать. А если было бы...! – Эдуард выдержал паузу, чтобы товарищи успели записать его слова, а потом, громовым голосом, от которого машина сама собой сделала опасный зигзаг на дороге, заговорил: – ...то Смольный показал бы с большой охотой! Я понимаю трагедию его души и сочувствую, когда вижу на экране, как он закрывает ладонью пустое место на своём, увы, далеко не молодом теле!

Сильные слова вождя тотчас были посланы его товарищам в интернет и на сайт Смольного, а так же на сайты ГосДумы и на радиостанцию «Борьба».

В это же раннее утро в дом по улице Прентеевка Новая, в квартиру №17 солдаты внесли цинковый гроб. Прапорщик протянул хозяину два талона на бесплатный хлеб, сказал, что его сын погиб смертью Героя при исполнении служебного долга. И быстро, почти бегом покинул квартиру, а солдаты ушли тотчас, как только опустили гроб на пол. Хозяин работал мясником. Он в полной растерянности топором вскрыл цинковый гроб. Его супруга потеряла сознание, когда увидела на шее мёртвого сына верёвку, а руки со сломанными пальцами.

Мясник полностью вскрыл гроб и отступил от него в ужасе, потому что и ноги сына были сломаны. С диким криком мясник бросился во двор, держа топор над головой в замахе. Но его поведение было заранее предусмотрено полицейскими. Они стояли за углом. И когда мясник выскочил во двор, они ловко и привычно сбили его с ног, натянули на него смирительную рубашку и отвели в «скорую» психиатрической клиники.

В доме было много женщин, имевших сыновей. Они начали пронзительно кричать. Полиция оцепила дом и для острастки бросила четыре шумовых гранаты во двор. А потом по – доброму через громкоговорители полицейские предупредили женщин, что если они не успокоятся, то весь дом будет наказан отключением электроэнергии. Смотрельщики телевизоров, не отрываясь от экранов, разразились воплем:

– Прекратите орать! Мёртвого всё равно не воскресишь!

И в доме наступила тишина.

У Елизаветы Васильевны было двое сыновей и две дочери. У неё заболело сердце, потому что она мысленно увидела своего старшенького Женю с верёвкой на шее. Бросилась к телефону. В это время он выходил из платяного шкафа с двумя чемоданами в руках, потому что менеджер с криком: « Я знаю, что вы здесь прячете!» распахнул дверцу. Он предполагал, что девушки прятали в шкафу бражку или самогон, или наркотики. И отступил в полной растерянности, тогда как Женя, услышав сигнал «мобильника» в кармане пиджака, зная, кто мог ему звонить, быстро поставил чемоданы на пол и включил на трубке связь.

– Мама, я ещё не дошёл...Иду...

– Где ты идёшь?

– Я вышел из платяного шкафа, – сказал Женя честно потому, что он был почтительным сыном своей мамы.

Мама тотчас успокоилась, когда услышала голос Жени.

– Я узнала, что ты потерял паспорт, и в школу ходишь пешком. Почему ты не сказал мне?

– Я не хотел тебя огорчать, – мягко ответил почтительный сын и покраснел, потому что рядом с ним стояли девушки и внимательно смотрели на него.

Елизавета Васильевна работала дворником в двух ДЭЗах, вместе с мужем потому, что дворникам города регулярно, без задержек государство платило зарплату, а иначе город утонул бы в мусоре и нечистотах. Семья жила в обычной коммунальной квартире, шесть человек в одной комнате. Нары были трёхярусными, поэтому комната казалась большой. Мама давно устала от такой жизни. И часто тайно сожалела, что необдуманно родила много детей. А теперь она вместе с папой напрягалась, чтобы дать детям хорошее образование за границей, чтобы на старости лет уехать к ним и отдохнуть перед смертью. Впрочем, так поступали многие матери страны, воспитывали своих детей для Англии, Германии, США и Китая.

Катюша и Ксюша насторожились. Они знали, что как юноша говорил со своей мамой, так он должен был говорить с девушками и с будущей женой. Они в свою очередь, будучи девушками Старой Формации, говорили с мамами грубо и дерзко....как-то: «Ну, мама, отстань!» Или: «Закрой варежку, сейчас не зима!» Девушки догадывались, что они были девушками Старой Формации, тем не менее, им нравились только юноши Новой Формации.

Мама улыбнулась. Ей было приятно разговаривать со старшеньким сыном, который всегда щадил свою маму. Ведь школьный паспорт только для вида был бесплатным, а на самом деле государство и здесь находило хитрый способ, чтобы ничего бесплатно не давать своим гражданам. Каждый месяц мама покупала для детей четыре билета по двести долларов, каждый. А теперь ей нужно было купить пятый билет.

– Нет, Женя, ты меня сейчас огорчил. Не делай так... Что там вокруг тебя?

– Две девушки. Они работают в парикмахерской

У мамы нехорошо дрогнуло сердце от предчувствия беды.

– Женя, немедленно отойди от них. И быстро иди в школу.

– Хорошо. Я так и сделаю.

Женя отключил связь и быстро пошёл по комнате к выходу. Но девушки не знали, как поступить с деньгами, и Женю не хотели терять. Они с чемоданами помчались за ним следом.

И вот уже через минуту все трое покатали тележку в сторону Промышленной зоны, решив, что с чужим добром будут как-то разбираться после уроков в школе. Потому что Катя Жене нравилась тем, что она была маленькой и очаровательной и походила на его маму. Елизавета Васильевна была маленького роста и очаровательная женщина.

За стеной Промышленной зоны начиналась узкоколейная железная дорога. И здесь стояла дрезина, на которой Женя, когда спешил, пересекал всю зону, три километра.

Они вкатили тележку на платформу дрезины и начали раскачивать из стороны в сторону рычаг. Дрезина, гремя и скрепя колёсами, начала разгоняться, и её скорость достигла тридцати километров в час. По обе стороны от дороги проносились мёртвые здания заводов. Девушки озорно и весело завизжали и, обнявшись вместе с Женей, начали плясать канкан. Они не услышали автоматную очередь, за которой последовали два одиночных выстрела из пистолета.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Президент и Мефодий Петрович сидели на металлическом табурете спиной друг к другу и боком к салону машины. Так как оба вели себя тихо, к тому же они были прикованы к потолочной цепи, то полицейский Дядя, сидевший на дверном стульчике, прошёл вперёд и сел на боковую лавку, чтобы смотреть телевизор и слушать полицейскую рацию.

Мефодий Петрович давно пришёл в себя после того шока, который он испытал в тот момент, когда Президент России отказался объявить полицейским, что он Президент и позволил полиции заковать свои руки в кандалы.

Сейчас, когда время медленно приближалось к 10.30, Мефодий Петрович уже спокойно смотрел на экран телевизора, мысленно повторяя одно слово: «Достукался». Он даже не

пытался думать о том, как они оба могли бы выйти из дикой для них и для страны – ситуации. В голове министра вертелась песня его юности «А зачем попу наган?» Он вдруг заметил, что его ноги притопывали в ритме звуков рок-н-ролла, что грохотали в его голове. Всё казалось министру смешным, нелепым и глупым. Но он насторожился, едва спикер палаты объявил себя Исполняющим обязанности Президента. Мефодий Петрович был «тёртым калачом» в политике и в борьбе за власть, поэтому, прищурюсь, он взгляделся в лицо Медного – Широкого. И не удивился, когда услышал в полицейской рации негромкий голос Медного – Широкого:

– Внимание. Всем начальникам полиции города: как можно быстрее уничтожить опасных убийц и садистов... – и спикер назвал вымышленные имена и фамилии министра и Президента.

«Достукался», – прозвучало в голове Мефодия Петровича здоровое слово среди грохота рок-н-ролла и песни «А зачем попу наган?»

Медный – Широкий легко и без размышлений сделал второй шаг, чтобы ликвидировать угрозу неизвестного шантажиста, который вероятно, пленил Президента. Медный – Широкий, отдав этот приказ, мысленно сказал: «До тех пор, пока я не увижу их трупы, я не смогу заснуть». Он забыл отключить канал на аппарате, так как по спецсвязи далёкий голос быстро сказал:

– Из города Шушенское сбежал Апельсинов со своей бандой большевиков. Он вылетел в столицу на китайском самолёте «Мао».

– Сбейте его над болотами Сибири.

– Наши самолёты пытались...но не смогли догнать. У «Мао» скорость четыре маха. Скоро Апельсинов будет в Москве.

– Кто изобрёл этот самолёт?

– Китайский изобретатель Мордвинов Александр Олегович.

– Подумайте: как его вывезти в Россию. И – на рудники, как предателя Родины. А большевиков уничтожьте в воздухе любой ценой!

Всё это раздавалось в рации полковника Смаги впереди салона машины. Это была секретная информация. И полицейский Дядя вынужден был броситься вон из «обезьянника», чтобы отключить звук в рации.

Мефодий Петрович плотно прижался спиной к спине Президента и едва слышно сказал:

– Наша полиция, хоть и редко, но применяет неадекватные меры воздействия на задержанных граждан.

– Я не верю.

– И я не верю, – охотно поддержал Президента министр, старательно подыскивая слова, которые не показались бы Президенту намёком на то, кем он был на самом деле. – Но я слышал слова, похожую на неприличную клевету на нашу полицию.

– Мефодий Петрович, говорите прямо: что это за клевета?

– Отдельные недобросовестные полицейские рвут волосы на головах задержанных граждан, обрывают усы и бороды.

– Что вы хотите предложить мне?

– Побег.

– Это невозможно.

– Да, невозможно, – тихо откликнулся министр.

Дядя в это время ворвался в салон машины и стремительным движением руки выключил на рации звук. Потом посмотрел из салона в сторону «обезьянника». В ней раздавался шум. Мефодий Петрович плечами бил Президента, пытаясь столкнуть его с табурета. Дядя быстро вернулся в «обезьянник» и едва шагнул к Мефодию Петровичу, как тот резко вскочил с табурета, подтянулся на руках к потолку кабины и с громким выдохом ударил каблуком туфли в подбородок полицейскому. Тот отлетел к стене «обезьянника» и сполз на пол.

– Кто вас научил такому приёму? – спросил Президент.

– В кино видел, – шёпотом ответил министр, сдерживая громкое дыхание.

Он сбросил с ног туфли, дотянулся пальцами ног до пояса Дяди, где висели ключи наручников, и осторожно потянул их к себе, потом поднял ноги вверх, к скованным рукам.

– Мефодий Петрович, вы, вероятно, в юности были хулиганом? – спросил Президент.

– Да, случалось, – хрипло ответил министр.

В этот момент, висая в воздухе в напряжённой позе, Мефодий Петрович чётко понял, что игра закончилась, а если она и продолжалась, то была смертельной игрой. И нужно было спасти себя и Президента, чтобы вскоре стать Президентом. К тому же Мефодий Петрович страстно хотел жить, потому что в его груди было сердце юноши.

Смольный в это время мчался на машине в глубину Промышленной зоны, где режиссёр Медальный и писатель Максим Злой создавали блокбастер с длинным, предварительным названием «Она мочила всех. Кто её остановит?»

Героиня, огромная женщина, какие всегда водились в русских селениях, ходила по съёмочной площадке, держа в правой руке крупнокалиберный пулемёт с длинной лентой патронов, конец которой висел на её широких плечах. В левой руке у неё, конечно, был мобильный телефон.

Медальный и Злой так же, как и Смольный, мчались на машине в Промышленную зону. Медальный нашёл, потому что знал: где искать писателя Злого...на помойке. Где Гений, само собой понятно, кушал отбросы. Ну, так было всегда в России.

Максим Злой ненавидел всех и даже самого благодетеля Медального, потому что знал, видел и чувствовал, что люди не изменились за последние пятьдесят лет. Всюду в журналах, а газетах, на ТВ остались старые, советские кадры «непущальщиков», которые привычно лепили советское время, называя его «новым временем».

– Я думаю, – зло сказал Злой, глядя на бежавшую под колёса машины дорогу, – нужно совместить блокбастер с сериалом «Свинарка и миллиардер», добавить сюда фильм – ужасов «Дело было в парткоме». И, конечно, много юмора.

– Но это невозможно совместить!

Злой, продолжая зло смотреть на дорогу, зло рассмеялся скрипучим смехом.

– Медальный, не меряй меня своей дебильной меркой. Оставь её для актёров. Мне это сделать...– Он щёлкнул несколько раз пальцами, –...один час работы...А Смольный должен открыть свой срам.

– Это будет верх безнравственности.

Злой резко ударил кулаками по своим коленам и, свирепо глядя на дорогу, завопил:

– Что я слышу?! Ты говоришь о нравственности в самой безнравственной стране мира! – Но тут же он спохватился и, кривя губы злой гримасой, сказал: – Впрочем, и так понятно: там, где говорят о нравственности, значит, там её никогда не было. Отдай приказ «членам политбюро КПСС», чтобы они выдвинулись в свинарник и приготовились к заседанию, стоя по колено в говне. Вот там они и заговорят о чистоте, о нравственности, о целомудрии на фоне совокупления свиньи и борова.

Медальный, предчувствуя удачу новой серии, начал быстро набирать номер на «мобильнике», тогда как Злой уже стремительно писал шариковой ручкой в тетрадке новый сценарий.

Между прочим, в одном квартале от дома, в котором была коммунальная комната Злого, жил патриарх русской литературы С. В последние годы он искал, ждал появления Гения, внимательно читал новые книги и огорчённо вздыхал. «Нет, не тот...бездарь». Порой, гуляя по улицам города, С. из-за спин агентов ФСБ и личной охраны, из-за спин секретарей он вглядывался в лица людей, ища среди них Гения. Но если бы С. заглянул на помойку, сходил на мусорную свалку, то легко бы заметил пачки рукописей Гения. Но С. не заглядывал в эти места...

А в это время в далёкой Сибири в синее небо стремительно уходил самолёт «Мао». Он был не сильнейшим самолётом, так как в Армии Китая его давно заменили самолётом «Мао, ты прав» и более скоростным «Мао всегда впереди».

Самолёт вёл Линь Бяо по кличке «Бяка». Он был «сочувствующим» партии Апельсинова и владельцем казино «Только для братвы», тем не менее, он напевал боевую песню китайских революционеров «Синь тянь дай ман». В песне говорилось: «Товарищ, давай оторвём собачью голову у буржуя. Бросим её в отхожее место и пойдём дорогой великого Мао». Хотя сам Бяка был удачливым бизнесменом.

Пять самолётов МиГ-40 начали свой мощный разбег по взлётно-посадочной полосе, неся под фюзеляжем по два берёзовых бревна для расстрела китайского самолёта.

Командир полка, морща лоб, следил из окна за разбегом эскадрильи и мысленно подталкивал их руками. Но самолёты продолжались мчаться по полосе. Двигатели были старые, брёвна – сырые, тяжёлые. Пилоты, само собой понятно, давно продали и пропили ракеты, а вместо них повесили брёвна, зная, что генералы близко не подходили к технике, осматривали её издалека.

Наконец самолёты взлетели и начали медленно набирать высоту, идя на перехват китайского самолёта «Мао».

Зная, что все переговоры записывались на плёнку, полковник взял микрофон и забормотал:

– Внимание, борт 1...2...3...4...5..., определите дальность цели, её скорость. Подготовьте ракеты для удара по цели.

Пилоты разом, хотя и не могли видеть друг друга, постучали кулаками по экранам локаторов. Командир эскадрильи ответил полковнику:

– Цель вижу. Расстояние до неё 110 километров, скорость более 5 000 километров в час. Ракеты готовы.

А там впереди и внизу была большая деревня Митяевка. И в одном доме плясала, ухала свадьба, хотя в центре комнаты стоял гроб с телом Митяя, сгоревшего в результате вдумчивой, но не осторожной работы над фенолом, каковой талантливый русский изобретатель обращал в питьевой спирт. Его трое дружков, старательно доработав проект Митяя и опробовав его на себе, как это делали учёные и изобретатели в девятнадцатом веке – играя глазками, вприсядку ходили перед столом, за которым сидела невеста с женихом. Народ в большой избе, опробовав новое питиё, с удовольствием наблюдая явление Митяя рядом с невестой, иногда говорили:

– Мы думали: он умер. А он вон – за столом сидит.

А в соседней деревне доярка Зинаида с помощью своей оригинальной конструкции аппарата так смешивала молоко с водой, что жидкость, каковая после сего дела получалась, приобретала жирность в 5 %. Менеджер был недоволен.

– Зинаида, вы что творите? Сбавьте жирность до 3 процентов водой.

Да, несмотря на трудные годы, Россия по-прежнему была перенасыщена талантами.

Бяка тоже увидел на экране пять самолётов. Включил на панели приборов маленькую пипочку, и на экране локатора тотчас пошла информация о боевой силе МиГов. «...Вооружение...два бревна...берёзовые...ровные, заострённые спереди...В снаряженных отсеках жидкость неопределённого назначения. Состав: вода, сахар, дрожжи в разных пропорциях...»

Бяка три раза прочитал информацию. И, не веря своим глазам, взял в руку русско-китайский словарь, но выронил, когда увидел на экране следующую информацию «Внимание! Пилоты включили кнопки «Пуск». Брёвна пошли на цель!»

Бяка тоже включил на панели ещё одну пипочку, и в хвостовой части самолёта взревел форсаж – ракетный двигатель. Самолёт «Мао» сделал прыжок вперёд и вверх, в стратосферу, и растворился в воздухе. А десять брёвен легли на цель...на деревню Митяевка.

Тут бы следовало поразмыслить о вечности, о том, какие вещества, порой, падали с неба на головы людей, так как с высоты в десять километров брёвна должны были достигнуть цели через минуту.

Командир эскадрильи Андрей осоловело взгляделся в экран локатора.

– Что видишь? – спросил полковник.

– Ничего. Цель поражена, – раздумчиво ответил Андрей.

Он уже думал о делах насущных, как-то: выпить бражку из левой пушки или из правой пушки, или дать настояться ей ещё день-два?

Фраза «цель поражена» достигла ушей Медного – Широкого в то время, когда брѐвна ещё не пролетели половину своего пути. Медный – Широкий удовлетворённо крякнул и злорадно подумал: «Чтоб тебе ни дна, ни покрышки, проклятый большевик! Если ты не разбился, то всё равно из болот Сибири не выйдешь скоро. А выйдешь, я не тебя танки направлю!»

Забыв о том, что он находился в ГосДуме, Медный – Широкий со всей силы ударил грязной ладонью по столу и крикнул:

– Не пущу тебя в Москву!

В силу того, что Катюша была девушкой Старой Формации, она знала, как навести юношу Новой Формации на то, чтобы у него возникла обязанность по отношению к девушке. Она остановила канкан и сказала Жене, скромно потупись:

– Ты можешь меня обнять.

Ксюша тихо охнула, изумлённая хитростью Кати и в свою очередь быстро сказала:

– Женя, я уверена, что ты мог бы научить меня целоваться. Я заметила, что ты давно делал мне намёки, а я их поняла только сейчас.

И она тоже скромно потупилась. Руки девушек синхронно обняли пояс Жени. Он растерялся и почему-то вспомнил Буриданова осла, который умер, стоя перед двумя копѐшками сена, умер от голода.

А дрезина продолжала мчаться вперёд.

Между тем, брѐвна, подрагивая хвостовыми оперениями – хорошо и добротнo отѣсанными наконечниками, каковые ловко вырубил механик Збруев, увеличивали скорость с каждым мгновением. Они бесстрастно смотрели на цель. Их невозможно было сбить противоракетами. Их можно было только наблюдать. Но на земле было столько проблем, что люди не желали смотреть в небо. Вот и Сися в середине этой грозной минуты, тяжело дыша, бежал с четырьмя канистрами к микроавтобусу. Две канистры он держал в руках, а ещё две повесил спереди и сзади своего не крупного ...не по – ОМОНовски – тела. Он выпил много бензина, потому что шланг был короткий, с помощью которого Сися сливал бензин в канистры из машин бандитской «сходки». Он много раз втягивал в себя воздух из шланга, а с воздухом в рот струёй бил трофейный бензин. Накушавшись трофейным питием, Сися опьянел. И когда поднял на грудь, а потом на спину трофеи, он нехорошо закачался, но побежал вниз, чувствуя, что ноги его почему-то бежали не так, как он хотел, словно они были сами по себе. А ещё на Сисе было большое количество вооружения, как-то: автомат, четыре запасных рожка с патронами, штык-нож, наручники. А так же на нём был новый осиноый бронезилет. Автомат он вынужден был принять в зубы, так как он не помешался на теле не крупного ОМОНовца. Вот по этой причине в ОМОН набирали всегда крупных мужчин, чтобы в подобной ситуации полицейский не принимал бы в зубы автомат и этим поступком не унижал бы грозное оружие.

Когда Сися бежал под горку – в башне – он отмечал, что ноги его время от времени порывались в обе стороны, как будто жили не в паре, сердились одна на другую. Это обстоятельство насторожило полицейского, который вдумчиво относился к своей службе. На бегу, он прищурился и настороженно подумал: «Что это с ними? А вдруг...» И он вспомнил, что вчера хорошо выпил среди товарищей, а утром проснулся и почему-то не ощутил под собой свои ноги. А потом посмотреть на них не было времени. Тут он вспомнил и другое. Дядя во время пьянки вдруг сказал Сисе:

– А у тебя отличные ноги. Я давно зарюсь на них, думаю взять.

Сися захрипел, потому что он правильно понял: Дядя взял его ноги, а ему подsunул свои, кривые, да ещё с плоскостопием.

С трудом удерживая в зубах автомат, Сися бежал под горку и хрипло говорил:
– Ну, подожди, я с тобой сейчас разберусь....подожди...

Он выскочил во двор и ещё раз убедился, что ноги под ним не его, так как они начали как-то странно бросаться то влево, то вправо, а то вдруг – подавались назад, после чего бросались вперёд. Но микроавтобус был рядом с административным корпусом, во дворе, и Сися, раздражённый подлостью Дяди, наконец, добежал до машины, до дверцы «обезьянника», куда хотел поставить трофеи. Он уже готовил слова, которые всегда отличали сильного мужчину от слабых мужчин, как вдруг перед ним распахнулась дверца «обезьянника», но вместо Дяди, из глубины машины на него метнулся один из задержанных. Он лягнул ногой в лицо Сиси и выпрыгнул во двор. Удар был неточным. Каблук туфли попал в правую сторону лба Сиси. А ноги под Сисей были чужие. И хотя Сися удержался на чужих ногах, но его закрутило. И во время вращения он увидел, что из «обезьянника» выпрыгнули двое мужчин и помчались вон со двора.

«Ну, не уйдёте», – мужественно подумал Сися, сжимая зубами автомат.

Он языком (это умеют делать только ОМОНовцы, потому что их учат сему мастерству) снял предохранитель, потом перекинул язык на спусковой крючок и, сильно сжимая зубами автомат, дал длинную очередь по бежавшим преступникам.

Недалеко от машины стояли и другие ОМОНовцы. Они увидели беглецов и бросились за ними. Но в этот момент из окна дома выпрыгнула девушка с пистолетом в руке и, встав на пути бежавших полицейских, выпустила по ним две пули. Они сбили две фуражки на головах ОМОНовцев, и те тотчас метнулись на асфальт.

В ту же потрясающую минуту депутат Замойский, дрожа всем телом непонятно почему, вдруг сорвался со своего депутатского кресла и крикнул:

– Господа депутаты, я предлагаю объявить молебствие во всех церквях России в честь Президента Медного – Широкого, пятидневное молебствие с крестным ходом и выносом икон!

Депутаты все, как один, подняли свои мандаты, а потом ударили в ладоши. Многие из них осеняли себя святым крестом. Иные открыли Евангелия, чтобы народ видел, хотя никто из депутатов не читал святые книги. Но мода была такая в России: носить с собой Евангелия и осенять себя крестом.

Спикер палаты поднял руку скупым жестом, требуя, чтобы депутаты успокоились, и сказал в микрофон:

– Давайте готовиться к торжеству. Готовьте подарки, премии, награды для депутатов Госдумы. А Замойский... – он выдержал долгую паузу, видя, как дрожал Замойский, – ...будет распорядителем молебствия в церквях. – Медный – Широкий перевёл дух и добавил: – Депутатов прошу подумать о присвоении Медному – Широкому звания «Генералиссимус».

В ответ раздался шквал аплодисментов. Медный – Широкий скупой улыбнулся, потому что сейчас он реализовал мечту своего детства – стать «Генералиссимусом».

Едва девушка исчезла, как полицейские вскочили на ноги и в ожидании Смаги начали бегать из стороны в сторону по двору, изображая активность и работу. И пока Смага гигантскими прыжками мчался в Промышленную зону, Президент и министр, такими же прыжками мчались в глубину зоны, увидели дрезину, на которой плясали две девушки и юноша, бросились за ней на пределе сил, так как им обоим хотелось жить. Они догнали дрезину, и сзади повисли на высоком борту.

Смага ворвался во двор и, взглянув на распахнутую дверцу «обезьянника» всё понял. Сися тоже понял, когда заглянул в «обезьянник», держа на себе четыре канистры и автомат в зубах, что Дядя имел на неприличном месте его – Сиси-ноги. «Растудыт его мать. Как же он умудрился это сделать?!» – в полном изумлении мысленно воскликнул Сися, уже думая о том, как вернуть назад своё добро, то есть оторвать от неприличного места Дяди свои ноги. Тут он

вспомнил давний пьяный рассказ Дяди, как Дядя учился у сибирских шаманов умению лечить людей без наркоза и ножа, и трудно говорил:

– Я вот так делаю...и руки нет. А вот так делаю – и рука есть. А могу и ноги на затылок поставить.

Когда по приказу Смаги все полицейские заработали ногами в том направлении, куда убежали особо опасные преступники, то Сися, демонстрируя всему отряду и полковнику свою силу, вырвался вперёд. Хотя на нём по-прежнему висели две канистры. Он не смог их снять, да и время не было – все бросились в погоню за беглецами. Однако, чувствуя, что под ним чужие ноги, Сися приотстал и пропустил вперёд Дядю, пригляделся к нему и охнул, когда Дядя, непонятно зачем стукнул по правой ноге прикладом автомата.

– Ты! Ты зачем стукаешь ногу?! – в ярости спросил товарища Сися.

– А тебе какое дело?

– Не смей, не смей, – прохрипел Сися, – а то я настукаю свои ноги!

В эту же тревожную минуту на огромный стадион «Лужники», заполненный трудящимися, медленной походкой вышел Ядрёный Корень – маг, чародей, лекарь и депутат ГосДумы. С трибун уже кричали хором сто тысяч зрителей:

– Дай чудо!

– Щас дам, – ответил Ядрёный Корень, вынимая памятку из кармана, куда положил её спикер палаты Медный –Широкий.

А так как у мага глаза были – семь на восемь, восемь на семь – то он долго не мог понять, что перед ним: железо или медь. На ощупь листок был мягкий, и Ядрёный Корень правильно догадался, что держал в руках туалетную бумагу.

«Но зачем спикер сунул её мне? Или это интеллигентный намёк...но опять же: на что?»

Наконец Ядрёный Корень догадался, что это была установка спикера. Он приблизил лицо к микрофону, и голосом – семь на восемь, восемь на семь – заговорил, глядя в бумажку:

– Даю установку...хрен в зубы!...Нет, нет, нет. Не так, – быстро поправил себя маг. – Даю установку: хо-ро-шо всем. Все усаые...Нет, нет! ...Сытые!

А народ кричал на трибунах: «Дай чудо!»

Полицейские выскочили на узкоколейку и увидели впереди дрезину, что уходила за поворот. На дрезине висели два человека.

Не успели, ах, не успели жители деревни Митяевка попробовать на свадьбе новое питье Митяя под названием «Митяй забористый». За забором в огороде стояла цистерна с митяевкой. Митяй предполагал разливать митяевку в бутылки и продавать по Сибири, Дальнему Востоку и даже в Европе по цене – сорок рублей бутылка, чтобы вдоволь насытить страждущий народ. Хороший он был человек, о людях думал, не о себе, потому и сгорел. Так всегда было в России.

Первая ракета с грохотом и тяжёлым гулом вонзилась в цистерну, и цистерна распалась на две части. Митяевка широким потоком устремилась на улицу, где на лужайке паслись и лежали коровы, козы и свиньи – надёжа, то есть, второй хлеб митяевцев, а первый хлеб был, конечно, картошка.

Скотина вдруг начала скакать, реветь и прыгать.

Вторая ракета упала на дом Митяя, пронзила его и прошла по краю гроба, подняв его в воздух. Усопший вышел из гроба с закрытыми глазами и рухнул на пол, почему-то приняв сидячее положение. Глаза его открылись, и плясуны в полной растерянности подались назад, к выходу. Митяй же мрачно и задумчиво смотрел на них, как бы вопрошая: «А что вы здесь делаете?» Вперёд шагнул смелый Сашка, дружок усопшего, и тихо сказал:

– Извини, друг, мы поминки по тебе справляем.

А кто-то раздумчиво пробормотал:

– Попа надо пригласить, а то он не ляжет в гроб, будет ходить.

Но попы в тех местах не водились, потому что денег не было у людей. А без денег церковь, само собой понятно, не работала.

Другие ракеты, к счастью для митяевцев, с гулом вонзились на улицах соседней деревни. Тонкий аппарат Зинаиды не повредили, а вроде бы целились на него. Но и берёзовые ракеты, порой, промахивались. Зинаида в это время вдумчиво работала над проблемой: как воду разбавлять водой?

Непонятные ракеты взволновали деревенских жителей. Вскоре весть о загадочных ракетах дошла до столицы. Прилетели учёные из академии наук. И сразу пошли на запах митяевки. В цистерне ещё была жидкость. Они попробовали питьё и сели за свои приборы. Долго изучали брёвна и небо. А потом сказали, выпив ещё митяевки, что обстрел деревни вёлся с Марса. Умный и смелый Сашка выступил вперёд потому, что видел учёных людей вверх ногами, сказал трудно:

– Но мы ничего плохого марсианам не делали.

– А они, наверное, тоже создали митяевку, – сказал кто-то в толпе.

– А, вон оно что, – откликнулась толпа, оглядываясь по сторонам, потому что Митяй ходил опасный, злой и страшный...

Дрезина уже заканчивала свой мощный бег недалеко от противоположного забора Промышленной зоны, когда Женя внимательно посмотрел в первый раз сверху вниз на Катю. Она улыбалась ему очаровательной улыбкой, поправляла свои длинные мелко завитые волосы, словно показывала Жене себя. Женя догадался, что она это делала для него.

– Катюша, вы очаровательная девушка. Вы знаете об этом?

– Нет, – сказала неправду Катя.

Когда они скатили тележку с дрезины, Катя – и это видели Женя и Ксюша – шагнула к ямке, сунула в неё ногу с босоножкой на очень высоком каблуке, вскрикнула и опустилась на корточки. Женя метнулся к девушке.

– Я понесу вас на руках.

– Не трогай её, – сквозь зубы жёстко сказала Ксюша. – Она нарочно всё сделала.

– Нет, случайно, – ответила Катя, метнув на подругу свирепый взгляд, и очаровательно улыбнулась Жене. – Да, я не смогу и шаг сделать. – И добавила чудным, грудным голосом, скромно потупись: – Если вы можете...

И она устроилась на его руках, думая о том, что дружить с юношей Новой Формации очень интересно. Она внимательно рассматривала Женю, привыкая к нему.

– Женя, а ваша мама красивая?

– Да, – ответил Женя и перестал улыбаться.

Ему всегда было жалко маму. Он часто сравнивал её с маленькой птичкой, которая торопливо кормила своих птенцов весь день и весь день летала по лесу в поисках еды для птенцов. И пока они кушали, она, усталая, сидела на ветке, быстро дышала, а потом срывалась в полёт, чтобы вновь и вновь найти добычу.

Дети обожали свою маму и хотели всегда жить вместе большой семьёй. Когда один член семьи куда-либо уезжал, то вся семья скучала по нему. А когда все были дома – сколько было шума, смеха, разговоров. Соседям по коммунальной квартире не нравился этот шум, но когда они входили в комнату, то сразу отмечали, что в комнате была приятная атмосфера, но почему она такая, никто не понимал.

Ксюше было неинтересно смотреть на поведение Кати, и она сказала голосом, в котором звучала злость:

– Женя, положи её сюда, – Ксюша мягким жестом руки указала на ящик. – Ей здесь будет удобнее лежать или сидеть.

Катю уже начала раздражать фальшивая обоюдная игра в вежливость. Но она находилась на руках Жени, и сдержала своё раздражение, когда заговорила:

– Ксюша, я прошу тебя...

– Нет! – Крикнула Ксюша, толкая перед собой тележку, потому что девушка тоже очень хотела оказаться на руках Жени, обнимать его за шею, и чтобы он смотрел на неё так, как сейчас смотрел на Катю.

Душа девушки страдала от чувства ревности и обиды на Женю, что он в присутствии Ксюши нёс её соперницу. Ксюша топнула ногой и крикнула так, что эхо заметалось между корпусами заводов и загрохотало в округе:

– Сядь или ляг на пять миллионов!!!

– Ну, и сяду, – ответила Катя и взобралась на тележку, улыбнулась подруге, которая оторопело уставилась на неё, потому что Ксюша сама себя одурачила.

В это же время Ядрёный Корень не торопливой походкой – семь на восемь, восемь на семь – покинул стадион. На депутате ГосДумы были кирзовые сапоги с гармошкой до верха голенищ, белые брюки с чёрным горошком и такой же расцветки – рубашка, подпоясанная ремешком. Он должен был сыграть в блокбастере «Она мочила всех. Кто её остановит?» Григория Ефимовича Распутина.

Когда героиня – по сценарию – замочила в туалете...вероятно, бельё и трёх очень сильных парней...наверное, в туалете стояла стиральная машина, и вышла в зал ресторана, то навстречу ей шагнул Распутин с крестом и молитвой, пытаясь остановить Супергэл...И не смог...

Ядрёный Корень всегда живший в трудных условиях шаманства, когда попал в столицу, а потом в ГосДуму, понял, что верхушку власти можно было брать голыми руками. И хотя спикер палаты с великим трудом научил его читать по бумажкам тексты, но Ядрёный Корень, решил стать Президентом страны... «А чо?– подумал однажды Ядрёный Корень, – всяк дурак лезет во власть, а я чо, лишний?» Но вначале он решил поговорить с главным бесом.

В трёх святых водах Ядрёный Корень освятил топор – символ крепости истинного сибирского мужика. Потому что в Сибири с давних времён споры между людьми решали топор и водка. Он взял в левую руку Библию и страшным жестом ткнул ею в угол комнаты. Там прозвучал испуганный крик:

– Ой! Не надо!

Потом Ядрёный Корень взял в руку топор, строго по-сибирски посмотрел в угол и взмахнул топором. В углу прозвучал испуганный вопль:

– Милай, останови руку!

– Остановлю, – охотно по-сибирски согласился Ядрёный Корень, – но дай ответ.

– Дам. Спрашивай.

На всякий случай шаман удержал топор в замахе, а левой рукой поднёс к лицу бумажку и прочитал по складам, строго поглядывая в угол взглядом семь на восемь, восемь на семь:

– Буду ли я зу...зу...ментом?

В ответ раздался чрезвычайно ласковый голос главного беса, само собой понятно, что бес в сей момент возлюбил шамана, конечно, в результате его талантливых усилий:

– Будешь зументом, будешь!

Получив нужный ответ, шаман рукавом рубашки смахнул с лица обильный пот, странно улыбнулся, потрогал пальцем острие топора и философски сказал:

– Нынче такое время, что Рассее нужен токмо я... Пуцай там другие стрикулисты бьют друг друга в зад и в вперед, из-за угла норовят ударить, а я прямо пойду, с топором.

И он трижды перекрестил топор.

А сейчас он мчался в машине в Производственную зону на съёмки блокбастера...В его партии «Щас дам» было одних только москвичей триста тысяч членов, а было бы и три миллиона, но спикер попросил его по-хорошему:

– Евлампий, прошу тебя, не увеличивай партию. Моя партия самая большая в России – десять тысяч, а у других и сотни человек не наберётся. На тебя и так молятся люди.

Евлампий простодушно распустил губы в щедрой улыбке.

– Да, Венька, оно, конечно, пушай будет по-твоему.

И спикер поверил Ядрёному Корню. Но темна и бездонна душа сибирского мужика. В ней и прожектором танковым дно не достанешь. Говорил Ядрёный Корень одно, а в его душе громыхнуло другое, как короткий мощный камнепад: «Я тебя, Венька, как соломинку сломаю. А покамест прыгай и пой, мочи стрикулистов. А я смотреть буду». В тесном кругу своих партийцев, Ядрёный Корень, глядя прямо перед собой, словно рассматривая что-то, говорил:

– Ещё батка Ломоносов пророчествовал: «Ждите, придёт из Сибири мужик с топором, перевернёт Москву. Сядет, а все лягут». Это про меня Ломоносов пророчествовал. Знайте и молчите. Великую тайну открыл вам. А для крепости – целуйте топор.

После того, как Елизавета Васильевна поговорила с Женей, она спустилась с пятого этажа вниз и вынула из почтового ящика утреннюю корреспонденцию. И сразу заметила бланк повестки из военкомата. У неё перехватило дыхание, но она вспомнила, что набор в Армию должен был начаться в конце мая, и уже спокойно взгляделась в строчки приказа. Военкомат вызвал Женю на медкомиссию, в воскресенье. Елизавета Васильевна быстро поднялась в коммунальную комнату. И, забыв о том, что звонок в Англию был дороже в несколько раз, чем из Англии в Россию, набрала номер университета в Оксфорде и попросила, используя в основном русские слова, соединить её с деканом факультета «Международное право и политика». Он знал русский язык.

– Господин Петерс, – почти закричала Елизавета Васильевна, – можете ли вы сейчас выслать Жене вызов на собеседование?!

– А что, Женей уже интересуется военкомат?

– Да, но пока его вызывают на медкомиссию.

– Хм... собеседование начинается в июле...

– Пожалуйста, сделайте Жене исключение.

– Я понимаю, Елизавета Васильевна, вашу проблему... м....м... Я поговорю сегодня с ректором. А завтра я сам позвоню вам в удобное для вас время. Но вы не забывайте, что все правила приёма студентов у нас неизменны уже много сотен лет.

Она с трудом удержала телефонную трубку в руке, уже мысленно видя, каким Женя мог вернуться из Армии! Все юноши, кто служил в Армии, курили коноплю, пили водку и говорили только матами и гордились, что стали настоящими мужчинами. И ещё любили... Елизавета Васильевна это видела... вскидывать ногу под прямым углом к телу и громко пукать в окружении девушек! Да... Елизавета Васильевна смотрела с балкона дома, как во дворе юноша в солдатской форме «пуками» стрелял в девушек. Девушки взвизгивали, подпрыгивали и смеялись. Десятки людей смотрели с балконов на «расстрел» девушек и смеялись. А через пять дней этот юноша убил соседа за то, что тот попросил не кидать во дворе бутылки из-под пива. Зарезал ножом. До службы в Армии он был великолепным поэтом. Его называли «честь и совесть Москвы». А другие, хоть и были отличниками в школе, но когда вернулись домой, то пошли работать охранниками, то есть сторожами.

В Мёртвом городе любой звук разносился далеко, усиливался эхом, поэтому крик разгневанной Ксюши слышали не только полицейские, два беглеца и актёры на сценической площадке, но и два бандита – Игорь и Бота Ботович. Напряжённо слушая эхо, что раздавалось вокруг них, они поворачивались лицом то в одну сторону, то в другую. Игорь услышал сигнал «мобильника» и включил связь. Голос в трубке был машинный, наполненный злобой и угрозой:

– Игорь, ты меня удивляешь.

- Шеф, прости.
 - Заткнись... Я могу находиться в эфире не больше минуты. Где бабки?
 - Девка унесла.
 - Игорь, какой ты неловкий.
 - Шеф, я исправлюсь.
 - Ищи чемоданы. Там папка. Не смей прикасаться к ней. Действуй!
- Игорь отключил связь и сказал:
- Я никогда не видел шефа. Не знаю, кто он?
 - А как он вышел на тебя?
 - Так же, как я вышел на Зину. Она здесь.

Он вспомнил рассказ Зины о том, как её дед подарил ей «Вальтера», и как она великолепно стреляла из пистолета. Игорь слушал её и понимал, что секретарша старалась заинтересовать его собой и заставить пригласить её на свидание. Но он не мог это сделать по той причине, что они оба друг друга знали и работали в одном министерстве. Правда, Зина знала Игоря под именем «Евгений». Сейчас он вспомнил, что девушка остановила мощный бег ОМОНовцев двумя выстрелами, и дёрнулся телом назад, мысленно увидев себя на мушке «Вальтера».

- Бота Ботович, бегом за мной. Надо подключить к поискам «зелени» братву Верёвкина.
- А что шеф? Он согласен?
- Ну, его к чёрту. Найдём «зелень» и разбежимся.

Когда они забежал в разрушенный дом, Евгений хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся.

- Как это я сразу не догадался. Того парня с тележкой....помнишь?
- Ну, и что?
- А то, что он вёз наши бабки. Он одурачил и нас, прикинувшись девкой, и полицию. А сейчас у него разборка с его подругой.
- Но где его искать? В какой стороне?
- Найдём, – откликнулся Евгений и облегчённо перевёл дух.

– Осинový кол в руки! Приготовьтесь! Мотор! – крикнул Медальный в микрофон, сидя в креслах на балконе вместе с писателем Злым.

Внизу на площадке стоял круглый стол. Его укрывала звёздная карта. В центре её находилась планета Си – Бирр, а сбоку планета Земля. Декорации создавали кабинет космического корабля, в котором уже стояли сто актёров и статистов с осиновыми кольями в руках. Это были блайзеры. Разумеется, актёры и статисты были одеты в замысловатые одеяния. На них висела обычная мешанина одежд из разных столетий истории планеты Земля. Шефом контрразведки Си-Бирра был, конечно, Ядрёный Корень. В этом блокбастере он играл две роли. На его плечах висел боярский тулуп времён Петра Первого. А в руках он держал свой немогутный топор. Едва щёлкнула перед Корнем рамочка, как он прыжком метнулся вперёд к столу. Актёры закричали:

- Бай –Ка, решай судьбу Земли!
- Уничтожу!

Он сильным движением провёл топором над планетой Земля и метнул взгляд в камеру. Камера крикнула... Точнее, крикнул оператор, потерял сознание и повис на аппарате мокрым бельём. Бай –Ка указал топором на точку во Вселенной и страстно крикнул:

– Здеся! Я остановлю Кириллу! Не пушу её в Си-Бирру. Пушай мочит с мылом мужиков у себя в сортирах!

После этой страстной речи Бай-Ка начал исполнять свою грозную песню, над которой, как это было принято говорить, он работал месяц. Песня называлась «Рас –тудыт-твою – мать» и состояла из одного названия. По сценарию Бай-Ка должен был стоять на одном месте, пома-

хивая топором, и время от времени улыбаться в сторону камеры. А компьютерщики после съёмок должны были нарисовать лучи лазеров, которые испускали зубы Ядрёного Корня и топор и даже погоны. Но Ядрёный Корень был сам по себе. В стиле давно забытой песни «Яблочко» он начал поддёргивать одним плечом, потом – вторым всё быстрее и быстрее, вначале медленно напевая: «Рас-тудыт-твою мать». Актёры и статисты встали за его спиной шеренгами и начали повторять движения шефа. А он увеличивал темп движений и скорость, повторяя слова песни, а потом сорвался с места, выставив вперёд топор, словно топор тянул его за собой, помчался по кругу, выделявая коленца, прыжки, вращения, стремительные повороты и присядку.

– Что это? – в изумлении спросил Медальный.

– Это то, что нужно русскому зрителю, – кривя губы улыбкой, ответил Злой. – Все на уши встанут.

Он не завидовал таланту Ядрёного Корня, потому что и сам был талантливым человеком. Но в его душе появилось чувство горечи, оттого, что Ядрёный Корень легко должен был получить славу, а он Злой – ничего не получил. И навсегда будет находиться в «тени» юпитеров, вне круга славы.

В стороне от мощных юпитеров сидела скромная, худенькая и очаровательная девушка с книгой в руке и с чувством страха смотрела на танец Бай-Ка. Она готовилась к экзамену в педагогическом колледже, где училась на воспитателя детских садов, потому что обожала возиться с детьми. Это была «Кирилла», а в реальной жизни – Вероника. Её накладные плечи, шея, грудь, бедра и даже ноги и руки лежали рядом с девушкой. Зрители никогда бы не узнали в ней грозную Кириллу, которая часто повторяла свою фразу: «Парниша, ты мне не нравишься!» И она нажимала на спусковой крючок пулемёта или была прикладом по голове огромного парня.

Злой оторвал взгляд от танцующего Бай-Ка и схватил за руку Медального.

– Слушай... У меня появилась идея.

– Так-так, говори.

– Ядрёный Корень будет играть роль доктора наук.

– Да ну. Это невозможно.

– Медальный, ты близорукий. Доктор наук возглавит подпольную партию «Щас не получишь!» Это будет пародия на Эдуарда Апельсинова с его КПСС. Партия «Щас не получишь» будет бороться с «близнецами».

– Но... – протянул Медальный, качая головой, – ... цензура не пропустит. Она может пропустить откровенный разврат, порнографию, но не политику.

Едва Злой услышал слово «цензура», как его лицо и руки начали поддёргиваться, а голос его наполнился лютой злобой:

– Медальный, задай себе вопрос: что ты хочешь в этом мире?

– Конечно, славу и деньги.

– Тогда брось ретроспективный взгляд на недавнюю историю России, – змеиным шёпотом продолжал говорить Злой. – Люди не читают книги, газеты, журналы, потому что там кормушка для бездарей. А в кино засилье «династий»... А «династии» всегда вырождаются...

Злой не смог закончить мысль, так как его тело была нервная лихорадка, и он, раскачиваясь в кресле, опрокинулся навзничь. И, лёжа на полу балкона, он заговорил:

– Я понял, почему Президент и Сучков не пришли в ГосДуму. И эту историю нужно снять как можно быстрее и сегодня же отправить в эфир. А на роли «близнецов» надо поставить откровенных бездарей. Я уже придумал изменение в сценарии.

– А это не помешает идее фильма? – спросил Медальный, уже ища взглядом среди статистов двух человек на роли «близнецов».

– Нет.

– А свинарник? Что отложим?

– Нет, наоборот. Едем в свинарник. Немедленно вызови паровоз.

Медальный остановил взгляд на двух неуклюжих статистах, которые хуже всех махали кольями и хуже всех повторяли движения Бай-Ка. Медальный притянул к губам микрофон рации.

– Петя, ты видишь этих двух придурков?

– Заметил... Их надо убрать?

– Нет – нет. Пригласи их в мой вагон. Они будут играть роли «близнецов».

– Шеф, нас закроют.

– Будем рисковать, – жёстко ответил Медальный и переключил связь на рации. – Эй, Максим, гони паровоз сюда! Поедем в свинарник.

Свинарник находился в конце Промышленной зоны, в предместье города, в деревне, жители которой каждый день играли статистов фильма «Свинарка и миллиардер». Конечно, двое неуклюжих статистов были «близнецами». Махая кольями, они посматривали в ту сторону, откуда только что прибежали. И вскоре увидели в просветах между корпусами заводов бежавших ОМОНовцев, которые брали в кольцо окружения площадку.

«Ну, так тебе и надо, – мрачно подумал Мефодий Петрович, размахивая колом с прочими статистами, – сейчас они найдут тебя и сорвут с головы парик». – И он тотчас задал себе вопрос:

«А что будет потом?»

Мефодий Петрович мысленно увидел, как ОМОНовцы бегом уводили с площадки Президента и его самого. А потом... гнали обоих в ближайший подвал дома или завода и там торопливо расстреливали, и уже на трупях делали контрольные выстрелы в затылок.

«Да, так оно и будет, – зло подумал Мефодий Петрович. – ОМОНовцы не станут рыть ямы и прятать нас в землю, потому что сюда никто не ходит, кроме крыс». Мефодий Петрович мысленно увидел, как в подвал медленно входили, приносиваясь, длиннохвостые хищники, смотрели в сторону окровавленных трупов...

Евгений на бегу услышал сигнал «мобильника», выхватил его из-за пояса. В трубке прозвучал машинный голос:

– «Близнецы» на съёмочной площадке.

– А почему ты решил, что они скрылись туда?

– Я вижу. Звони Смаге. Наведи его на цель.

– А как же «бабки»?

– Выполняй приказ и не мудри!

Евгений отключил связь, оглянулся по сторонам и тихо сказал Боте Ботовичу:

– Шеф где-то рядом с нами. Или у него камеры расставлены по всей Зоне..

– Тогда бы он знал: куда исчезли «бабки».

– Да, верно... Тут что-то не так...

– Евгений, может быть, лучше выйти из этого дела? Ведь мы не знаем шефа. Он получит своё и сдаст нас Смаге.

– Я уже думал, Бота Ботович, – тихо ответил Евгений, вновь переходя на бег, но теперь направляясь в сторону съёмочной площадки и набирая номер Смаги на «мобильнике». – Но выйти из дела можно только с пулей в затылке... Алло, Смага, беглецы на съёмках фильма.

И едва он скороговоркой сказал фразу, как тотчас отключил связь в «мобильнике».

Смольный кусал пальцы, наблюдая пляску Бай-Ка, чтобы никто не заметил, как его губы дрожали, чтобы никто не услышал тихий шёпот Смольного:

– Проклятый шаман, да когда же ты перестанешь маячить передо мной?!

Смольный тоже имел свою партию и, разумеется, делал себе славу для будущей борьбы за пост Президента. Все депутаты ГосДумы старались попасть в телесериалы, так как люди не читали газеты, да и нечего в них было читать. Всех талантливых писателей выбросила за границу нищета. Поэтому люди весьма охотно голосовали на выборах за тех депутатов, которые изо дня в день появлялись на экранах их телевизоров. А если по какой-либо причине депу-

тат день-два отсутствовал в сериалах, то зрители легко забывали о нём, увлечённые другими героями кино.

Глядя на пляску Бай-Ка, Смольный пытался понять: в каком месте очередного фильма, который будет отправлен в эфир сегодня вечером, появится шаман с топором. «Он весь фильм задавит...и куда смотрит полиция...да, ходит с топором по улицам, а полиция не реагирует...Надо что-то придумать...Может быть, подставить его...Но как?»

Между тем, самолёт «МАО» прошёл над Уральскими горами в стратосфере вне досягаемости ракет класса «земля-воздух» и истребительной авиации. Самолёт «МАО» имел вертикальный взлёт и посадку. И должен был сесть в Промышленной зоне, где Апельсинова ждали партийцы в подземном бункере.

Майор Синешопов усмехнулся, сидя за баранкой своей машины, при виде поста ГИБДД и взял правой рукой заранее открытую бутылку водки. И когда он на большой скорости проезжал мимо стоявших полицейских, то, подняв бутылку, начал пить водку «с горла». Полицейские проводили его машину взглядами, потому что на кабине стояла и мигала «люстра», а номер машины был: 01-10. А всё это означало, что водитель был человек особой касты.

Настроение души Синешопова было весёлым, игривым, потому что утром он принял хорошую дозу настоящего кокаина. А сейчас он ехал в Промышленную зону. Он быстро допил водку и торопливым жестом руки выкинул бутылку за окно, чтобы полицейские увидели и осмотрели её...Но они не подбежали к бутылке, не записали в книжку его номер машины.

– Досадно, – сказал Синешопов, наблюдая полицейских в зеркало заднего вида, но через секунды три вновь весело и сильно заговорил: – Я повелитель Вселенной! Эй, вы там, букашечки, слушайте меня: «А зачем попу наган, если поп не хулиган?!»

Синешопов начал прыгать на кресле, танцуя задорный рок-н-ролл.

В эту же минуту на другой стороне планеты в Вашингтоне в спальне президента США прозвучал резкий сигнал телефона. Арнольд проснулся, и в темноте, не раскрывая глаза, начал искать широкой ладонью аппарат. Нашёл, сорвал с него трубку и услышал торопливый голос шефа ЦРУ:

– Арнольд, он поехал.

– Кто поехал, о чём вы говорите?

– Сейчас гляну в бумажку...Си – не – шо – пофф.

– А, вспомнил... Странная фамилия. Она переводится на английский язык?

– Да, Арни... сейчас посмотрю... «Синяя задница»... в неприличном значении...

– Энтони, говорите, пожалуйста, однозначно.

– Ну, как здесь написано...после секса задница становится синей.

– Ну и ну, а что он сегодня взял?

– Как обычно: три бутылки водки. Одну, кажется, выпил «с горла».

– А что это такое? Я часто слышу, но не знаю.

– Сейчас гляну... Русский мужчина левой рукой отбрасывает в сторону пробку, а правой поднимает бутылку, вставляет в рот так, чтобы дно было вверх. Держит бутылку строго вертикально...

– И что? Что дальше?

– Водка в результате гравитационного действия планеты устремляется вниз. И мужчина держит в таком положении бутылку до тех пор, пока вся жидкость не выльется в его рот.

– О, это мужественно.

– Да, это русский шик. Они гордятся им...Ещё он взял батон колбасы «Кремлёвской». Но это польская колбаса для собак и кошек, сваренная из трупов животных и даже крыс... И две селёдки...кажется, всё...Да, Арни, забыл...У них Президент исчез. Пошёл мыться с берёзовым веником и пропал.

– Энтони, довольно. Всё это я узнаю завтра из теленовостей.

В то время, когда Ядрёный Корень исполнял свой грозный танец, Смольный надел на себя реквизиты: спереди на сраме висела пятиконечная звезда, а сзади – совмещённые серп и молот. В таком виде он должен был появиться на заседание парткома в фильме ужасов «Дело было в парткоме». Смольный исполнял роль Дракулы и парторга.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Апония Стальевна заметила боковым зрением левого глаза какое-то движение внизу, в школьном парке. Она работала завучем школы и по совместительству была сотрудником канцелярии министерства, где появлялась утром, чтобы спустя час-два уйти в школу, в которой она, само собой понятно, не получала за работу ни гроша, как и все учителя. Зато в министерстве у неё был твёрдый, без задержек оклад в пятнадцать тысяч долларов.

На листе бумаги было написано крупными печатными буквами

«В ШКОЛЕ МАФИЯ. АПОНЬКА, ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ЭТОМ?»

Лист бумаги лежал на столе перед Апонией Стальевой. Если говорить по-советски, то её в школе удерживали долг, любовь к работе, к детям, а если говорить по-капиталистически – прямо и грубо – то она не покидала школу ради власти над детьми и учителями. Она очень хотела, чтобы её называли «Лапонькой». Но её никто так не называл, так как появились одиннадцатые классы, в которых юноши и девушки обладали высоким интеллектом. Это огорчало Апонию Стальевну до слёз, как и обращение в анонимках по имени и на «ты». Вот и сейчас она готова была тихо зарыдать. Посмотрела в школьный парк, увидела ученика, который катил перед собой тележку. А на ней сидели две девушки, судя по одежде, не школьницы. «Разврат, – мрачно подумала завуч, – в дореволюционное время гимназиста за такие дела выгнали бы из гимназии. Да и во время Сталина такое не разрешалось. Разболтались дети».

Девушки и Женя не болтали. Девушки забыли: на чём они сидели, потому что они были «тинэйджер» (девятнадцатилетние), и они хотели дружить с парнем серьёзно и навсегда. Девушки догадывались, что Женя был девственником, но не предполагали, что он знал, правда, из специальной литературы, всё о девушках. И знал, что девушка в девятнадцать лет ничуть не походила на саму себя, семнадцатилетнюю.

Женю смущало то, что Катя вела себя откровенно с ним, и он боялся, что она сегодня вечером могла сказать ему: «Женя, давай жить вместе...поженимся». В то же время он хотел услышать такие слова от Кати, потому что в первый раз влюбился в девушку.

– Женя, а вы можете что-нибудь сказать мне? – очень нежно сказала Катюша.

– Да, могу. Вы самая прелестная, самая восхитительная и очаровательная. Вы девушка моих снов... – он замолчал, потому что опомнился.

Такие слова девушкам говорить было нельзя. Но уже началась «реакция». Катюша стремительно выхватила из кармана Ксюши «мобильник» и стала быстро набирать номер.

– Ты хочешь похвастать, да?! – почти крикнула обозлённая Ксюша.

– Помолчи...Вероника, аллю... – и скороговоркой Жене: – она моя сестра, старшая. Ей двадцать один год. Она работает на киностудии... Вероника, я познакомилась с парнем. Он меня назвал...

– Отдай трубку! – Зло крикнула Ксюша.

– Как он тебя назвал? – спросила Вероника

– Самой прелестной. Он красивый и умный и очень хорошо воспитанный. Везёт меня на тележке.

– Куда везёт? Ты что – спятила? Больная, что ли?... Но всё равно, приведи. Я посмотрю.

– Нет –нет, – быстро ответила Катя и вернула трубку Ксюше, потому что поняла, что Женя мог заинтересоваться её сестрой, а он ей обязательно понравится. «Ой, что я наделала. Вероника настойчивая. Она знает, как влюбить в себя такого интересного парня, как Женя».

От досады на свой поступок Катя едва сдержала слёзы и очень трогательно попросила Женю:

– Если вам не трудно: скажите ещё что-нибудь... А я не буду никому говорить ваши слова.

Всё-таки крупные слёзы побежали по щекам Кати. Ей казалось, что она всё испортила, и уже невозможно было восстановить ту замечательную связь между нею и Женей, которая заставила Женю сказать ей удивительные слова.

– Вы моё восхищение и моё обожание. Теперь, когда я буду просыпаться утром, то буду говорить: «Здравствуйте, Катя».

Он любил девушку и говорил то, что думал.

– Женя, а я через два года пополнею, и у меня будут... будут... – она замолчала и в ужасе подумала: «Что я говорю! Ой, какая я глупая! А вдруг ему нравятся формы? Сегодня же я покупаю побольше хлеба и картошки. Они сделают меня толстой. Надо всё-таки спросить осторожно...»

– Женя, а вам какие девушки нравятся: полные или худые?

– Мне никто не нравится, кроме вас. А в юности девушка может нравиться только за характер и за то, что у неё на лице.

«Ой, а что у меня на лице? Но я буду молчать и улыбаться».

– Женя, а моё молчание вам нравится?

– Я не знаю, потому что вы ещё не молчали.

Этот разговор о пустяках имел для них Вселенское значение, так как это была внезапная первая любовь, и они ещё не знали, как общаться друг с другом.

Мама на то и мама, чтобы понять всё, что произошло с её сыном. Она не дошла до ДЭЗа и быстро вернулась домой, чтобы позвонить Жене.

– Женя, скажи, мой дорогой, ты влюбился в девушку из салона?

– Да.

– А она как относится к тебе?

– Мама, Катюша находится в полуметре от меня.

– Хорошо. Пригласи её к нам домой. Я посмотрю на неё.

Катю переполняло чувство любви к Жене. Она положила свои маленькие ладони на руки Жени. Ей очень хотелось постоянно слышать его голос, и она спросила:

– Женя, это ничего, что я маленькая?

– У вас замечательный рост.

– Женя, вы можете поцеловать меня.

– Он не умеет, – сказала Ксюша, внимательно наблюдая их отношения.

– А я умею!

И Катя быстро вскочила с ящика, и, обняв Женю за шею, поцеловала его в губы. Что-то нехорошее коснулось души Жени, и он, чуть отодвинув от себя Катю, сказал ей очень тихо:

– Вы опытная.

Она испугалась.

– Нет – нет, я не опытная. – Она вновь обхватила его за шею и тихо сказала ему на ухо: – Я девственница. А целоваться меня научила сестра. Вот видите – это пригодилось.

Катя оступилась, и не случайно, а чтобы увести Женю в кусты, до которых было не более двух шагов. Она знала, что нужно было как можно сильнее и крепче привязать к себе Женю, потому что в школе было много девушек. И она уже ревновала.

В кустах Катя дрожащей рукой расстегнула пуговицы кофточки и обнажила грудь.

– Вы можете делать со мной всё, что хотите.

Её лицо, нежная шея и верхняя часть груди быстро порозовели.

– Катя, вы ошиблись. Вы для меня идеальная. И я такое не могу принять.

И Катя вновь испугалась.

– Нет – нет, я не идеальная. Я, порой, очень плохая. И вот мама говорит, что я не идеальная.

«Ой, зачем я сказала, что я плохая. Ведь плохая девушка – это «три рубля и канава». А я хорошая... Надо молчать!»

Женя понимал изобразительное искусство, и, увидев то, что открыла ему Катя, полный восхищения красотой девичьей шеи, груди, начал осторожно прикасаться к ним пальцами.

Ксюша стояла сбоку от них, в полуметре и наблюдала, но они не замечали её.

Катя сжала пальцами руки Жени, осыпала их поцелуями и торопливо сказала:

– Женечка, я вас полюбила с первого взгляда. – И когда он начал неумело прикасаться губами к её груди, она подумала: «Как хорошо».

«Да, хорошо, – подумал Сися на бегу. – Это замечательно, что я не снял с себя канистры.

Дядя на бегу посмотрел на Сисю и подумал: «Вот так работаешь с товарищем, веришь ему, а он спятивший. Что-то на ноги мои начал пялиться. И взгляд у него безумный. И ствол держит в направлении моей задницы».

От досады, что теперь никакой дружбы между ними не будет, мужской, честной, Дядя сильно ударил прикладом автомата по своему бедру, в котором группу мышц стягивала судорога. Это было последствие огнестрельного ранения.

Сися, несмотря на то, что он нёс на себе сорок литров спирта, мощным прыжком подскочил к Дяде и зло зашипел:

– Прекрати стучать ногу! Прекрати!

– Да у меня нога чужая.

«Вот, – подумал Сися, – признался. А я думал, что он будет хитрить, мол, ноги мои».

– А как ты их взял? – спросил Сися, внимательно поглядывая на ноги Дяди.

– Взял и взял. А тебе какое дело?

– Эй, вы там! Дядя, Сися, прекратите разговоры! – крикнул Смага. – Развернитесь цепью для охвата всей площадки!

Только сейчас Сися догадался, что он выпил, сливая из баков машин горючее. Это был почти чистый американский спирт. Дело в том, что эмигранты из России придумали для США бензин, который можно было получить из древесины и даже – из травы – экологически чистый, но пока дорогой. Его могли купить в России только высокопоставленные чиновники и богатые люди, которые, конечно, спирт не пили, хотя он был безвредным.

И хотя производство этого «бензина» обходилось производителям в гроши, но нельзя было его продавать ниже цены виски, водки и других крепких алкогольных напитков – люди планеты могли спиться.

Слово «эмигрант» нехорошее для тонкого слуха русского человека вот уже более 100 лет, с тех пор, когда большевики выкинули из страны за ненадобностью тысячи лучших умов России. Сейчас они сами бежали, причём довольно необычно.

Вокруг большинства школ России прочно расположились странные на первый взгляд «палатки» и магазинчики, в которых за прилавками стояли не продавцы, а покупатели из США и Китая. Они скупали «на корню» талантливых юношей, дарили им деньги, билеты на престижные концерты, передавали подарки их мамам и папам, братьям и сёстрам, и бабушкам. Всё у них было записано. Взамен они ничего не просили.

Каждый год летом Россию покидали тысячи самых талантливых, одарённых юношей. А оставались те, кто ушёл в Армию... Пятеро из них уже шли по следу Жени.

Дело в том, что Евгений позвонил в охранную фирму «Честь», которая занималась грабежом, заказными убийствами и рэкетом, вожаку Верёвкину. Рассказал о том, что произошло в башне. Рассказал о Жене.

– Вероятно, парень спешил в школу. Он уехал на дрезине по узкоколейке. У него тележка.

Слово «тележка» насторожило вожака банды Верёвкина. Офис банды находился по другую сторону школьного парка, в одном квартале от стены Промышленной зоны. Пятеро бандитов легко нашли на влажной земле след колёс тележки и бросились в погоню.

– Прекратите, – раздражённым голосом заговорила Ксюша. – Женя, иди в школу, а ты – застегнись. Больная, что ли?

Фраза «больная...больной, что ли?» стала символом НАСТОЯЩЕГО тинэйджера.

Ксюша усадила растерянную Катю на тележку и покатила её прочь от аллеи парка, в кусты. И, желая сделать больно подруге, сказала ей:

– Сегодня он возьмёт твою целку, а завтра ему будет стыдно с тобой встречаться.

– Женя так не поступит.

Разгорячённая чувством любви Катя уже думала о том, что могло произойти между ними...

В эту минуту шеф ЦРУ и его помощник напряжённо вглядывались в экран монитора, на котором была только одна машина.

Спутник-шпион неподвижно висел над Москвой на расстоянии ста пятидесяти километров. Его мощный телескоп был направлен вниз. Он фиксировал передвижение машины Синешопова.

Синешопов быстро приближался к Промышленной зоне, к тому месту её, где она заканчивалась в предместье города, но вбирала в себя деревню Неумыкино. В деревне был свинарник. В советское время совхоз Неумыкино работал на Промышленную зону, обеспечивая рабочих бесплатной картошкой, мясом и прочими продуктами сельских тружеников. Сейчас неумыкинцы жили за счёт киностудии, были статистами в сериале «Свинарка и миллиардер».

Синешопов въехал через пролом в стене в зону и повернул машину влево. Шеф ЦРУ дёрнулся к монитору и постучал пальцами по экрану.

– Эй! – он левой рукой схватил бумажку со стола, вгляделся в неё и по слогам крикнул: – Си – не – шо – пофф, не туда! Не туда!

Но Синешопов не услышал стук и крик шефа ЦРУ.

А в соседней квартире плакала Петрухина, зажимая свой рот полотенцем, чтобы не кричать и не мешать смотрельщикам телевизоров. Стены были тонкие. Мёртвый Паша был ровесником и другом Жени. Они мечтали о многом. Паша в прошлом году поступил в престижный ВУЗ, но через месяц его призвали в Армию.

Петрухина, осматривая тело сына, заметила на нём старые шрамы. А он в своих письмах говорил, что у него всё хорошо. Его кожа на спине, на груди были покрыта старыми и новыми ожогами.

– Ну, чем он мог не понравиться «дедам», что они его так истерзали? – повторяла слова Петрухиа. – Как теперь жить?

Елизавета Васильевна вошла через открытую дверь в квартиру к Петрухиной и увидела на столе чёрное от кровоподтёков, истерзанное тело Паши и с трудом удержала крик, потому что ей показалось, что она увидела Женю. «Как ей теперь жить?» – в ужасе подумала она...

Апония Стальевна подошла к другому окну и поморщилась лицом, увидев, что количество магазинчиков перед школой заметно увеличилось. Они были «веянием» времени, так как в них работали не продавцы, а покупатели из США и Китая, из престижных университетов. Они покупали «на корню» наиболее талантливых, одарённых юношей. Для них все напитки, мороженное и прочие вкусные продукты питания были бесплатными. За прилавками стояли очаровательные китайки и американские студентки- практикантки. Они хорошо владели русским языком, как и те профессора, которые выходили навстречу одарённым юношам, изда-

лека протягивая им руку. Вели душевные беседы, передавали подарки для их мамы, папы, сестёр, братьев и бабушек. ...Приглашали в соседний зал посмотреть хронику жизни студентов их университета. Разумеется, из года в год весной или летом тысячи самых талантливых юношей торопливо покидали Россию.

Мамы и папы своих одарённых сыновей облегчённо переводили дух только тогда, когда самолёт «Боинг» или «МАО» отрывался от взлётно-посадочной полосы. Они нужны были США и Китаю, потому что свой Гений юноши превращали в большие деньги.

Апония Стальевна, скользнув взглядом по магазинчикам, вновь вернулась к столу, чтобы попытаться определить по написанию слов и букв анонимки, кто автор её. Заметила боковым зрением новое движение за окном, посмотрела в парк. Широкая аллея была пустой, а дальше, в её конце, приближаясь к ней, бежали в два ряда пятеро крупных молодых парней. Все они были одеты в тёмно-синюю униформу. Завуч знала, что эти парни были сотрудниками охранной фирмы «Честь». Её офис находился в сотне шагах от Промышленной зоны и в 200- 250 шагах от школьного парка. Фирмой руководил Верёвкин. ...

В это время спикер Нижней палаты депутатов ГосДумы, он же исполняющий обязанности Президента Медный – Широкий сидел за рабочим столом в своём кабинете. На его левом колене сидела его взрослая двадцатилетняя дочь Юлия, а на правом – сидел двадцати двухлетний сын Юрий. Напротив спикера, на столе стоял монитор компьютера, а дальше – в глубине комнаты камеры основных телевизионных каналов. Шла прямая трансляция рабочих будней нового Президента.

Его дети, само собой понятно, приходили в ГосДуму, чтобы только получить зарплату. Его жена тоже работала в ГосДуме, то есть приходила расписываться в ведомости. Сейчас она старательно делала салат для мужа, находясь чуть сбоку от него, делала салат неумело, потому что не умела его делать.

Медный – Широкий задумчиво смотрел на экран монитора. На нём была тайная характеристика на Смагу.

(Информация не для размышлений)

«Смага А. М. 57 лет, полковник. Уравновешенный, выдержанный. С начальством и подчинёнными ведёт себя одинаково строго, но вежливо. Улыбается скупно. Добрый. Взятки не берёт (почему? неизвестно) – проверенно 23 раза. Хороший семьянин. В выходные дни запирается дома в своём кабинете. Достает из сейфа бутылку водки. Пьёт только по-русски: с горла. Потом сидит и смотрит в северный угол. О чём думает – неизвестно. Две дочери и жена требуют от него: брать взятки. Он молчит. О чём думает – неизвестно.

Вывод: Смага не соответствует занимаемой должности, так как он единственный в России полковник, начальник полиции, который не берёт взятки. Своим неприличным поведением Смага оскорбляет всё МВД»

– Но почему он не берёт взятки? – задумчиво сказал Медный – Широкий.

– Наверное, он сумасшедший, – ответил Юрий.

– Да, но как этот человек мог стать полковником?

– Потому что все были уверены, что и он берёт взятки, – сказала умная дочь.

Синешопов повернул машину налево только потому, что увидел небольшую зелёную лужайку, покрытую короткой весенней травой. Он решил покушать на природе, вдали от шумного города. Он взял со второго кресла спортивную сумку, в которой лежали две бутылки водки, две селедки, толстый батон колбасы «Кремлёвской», складной ножик и дистанционный пульт управления телевизором. Вышел из салона и вновь начал, но уже ногами, танцевать рок – н – ролл.

– Что это с ним? – пробормотал директор ЦРУ.

– По – моему, танцует, – ответил Билл и улыбнулся. – Это рок – н – ролл. Вероятно, он решил покушать.

– Дайте мне сводку погоды над Москвой.

У директора была дальнзоркость. И он, взяв лист бумаги, надел на нос очки, вгляделся в длинный список информации. Сводка погоды была расписана по минутам. Палец директора остановился на строчке:

«Перистые облака – 14. 03»

– Это вестники непогоды...да...а вот и тучи и дождик... В общем, Билл, подтяните к Москве ещё два спутника с радиолокационной накачкой. И приготовьте спутник «Томагавк».

– Но русские заметят его. Будут возмущаться.

Директор снял очки и, разведя руки в стороны, сказал:

– Но тут уж ничего не поделаешь... А завтра я беру отпуск и поеду в Москву.

– Вы хотите посетить Промышленную зону?

– Да, Билл. Мне интересно посмотреть на неё в горизонтальной плоскости.

– А где хорошенькая девушка? – спросил Верёвкин менеджера, который брил его лицо.

– Она и её подруга уволились час тому назад.

– Хм... не дури меня, Печкин. Ты их уволил, да?

Руки Печкина дрогнули, и он, боясь порезать лицо Верёвкина, резко отдёргнул бритву от его щеки. Верёвкин усмехнулся и, холодно глядя через зеркало в глаза менеджера, покривил губы.

– Не бойся, брей и говори, но точно.

Печкин подробно рассказал всё, что произошло в парикмахерской. Верёвкин рассеянно слушал, думая что-то о своём. Когда менеджер замолчал, Верёвкин, вставая с кресла, сказал:

– Девушку найди, верни на работу. С этого дня Катя моя подруга.

(Информация не для размышления)

Верёвкин Леонид Степанович, 25 лет. Служил в ракетных войсках стратегического назначения, обслуживал передвижные баллистические ракеты. Отличник боевой и политической подготовки. С товарищами был корректен, к молодым – заботлив и доброжелателен. Честен и прямодушен. Спортсмен, каратист. Когда в воинскую часть приехал Президент, то Верёвкин понравился ему и был награждён почётным знаком «Друг Президента». После демобилизации начал работать в школе и руководить охранной фирмой «Честь». Любит собак и кошек.

«Закрытая информация»

Верёвкин Леонид Степанович до призыва в Армию был задержан полицией за истязание подростка. В Армии убил двоих новобранцев за то, что они не приготовили ему утром чай. После Армии возглавил группу своих сослуживцев. Выполнял задания спецорганов по уничтожению ненужных людей. Осуществлял террористические акты, как в России, так и за границей. Занимался похищением людей по заданию спецорганов.

Есть мнение: Верёвкина Леонида Степановича наградить орденом «Мужества» Третьей степени за заслуги перед Россией и произвести в звание «лейтенант» с обязательным движением по служебной лестнице.

Вывод: Очень нужный России человек...Побольше бы таких патриотов, и Россия стала бы ведущей страной мира.

– Я могу сейчас... сейчас, – торопливо забормотал Печкин, набирая на «мобильнике» номер Ксюшиного телефона. – Алло, Ксюша, ты и Катя, приходите на работу. Я выплачу вам зарплату...

– Дай сюда, – негромко сказал Верёвкин особым голосом, который всегда тренировали заключённые в концлагерях и военные люди.

Это был не голос приказа – низкий, властный, а голос, несущий в интонации угрозу смерти. Этот голос бил по нервам, по психике человека, как удар кулаком, но эффект был

более сильным. У Печкина затряслись не только колени ног, но и голова, когда он услышал страшный голос.

К этому времени девушки простились с Женей, и очаровательная Катя ощутила в душе нечто удивительное для неё самой. Это был психологический шок, и она подумала: «если он по какой-нибудь причине не вернётся, то я покончу самоубийством». В её нежной душе появилась и начала быстро усиливаться тягучая боль. И девушка знала, что если она сейчас бросилась бы за Женей и вцепилась бы в него, то боль тотчас исчезла бы.

Ещё минуту назад Катя думала, что короткая разлука будет очень приятной для неё, что она могла с удовольствием помечтать о скорой встрече с Женей. Но её душа повела себя совсем иначе. В ней нарастало и усиливалось желание, как можно быстрее увидеть Женю. «Я думала, что чувство любви всегда приятное, а оказывается, оно рождает боль. А как я буду жить, когда он уедет? Я с ума сойду. Там, за границей девушек много... А он обаятельный... Странно, почему он не дружил с девушками раньше? Ах, да. Женю оберегала от девушек его мама. Значит, я не понравлюсь ей. Нужно скорее привязать Женю к себе. А так как для него это будет в первый раз, то он не подчинится своей маме. После секса я ему скажу: «Женя, давай жить вместе. Пойдём в ЗАГС». Он благородный, почувствует ответственность передо мной. Потом, когда-нибудь я скажу ему, что два дня я плакала оттого, что он не замечал меня».

– Лучше не говорить, – сказала Ксюша, которая стояла перед подругой и внимательно слушала её шёпот, и наставительно добавила: – Запомни, Катя: среди двоих – один любит, а второй – позволяет любить. Это закон Природы.

– Да – да! – весело и озорно воскликнула Катя. – Я буду вести себя молчаливо и загадочно, чтобы Женю это тревожило: почему она такая?

– У тебя не получится, потому что ты вся открытая.

– Я постараюсь быть закрытой. Заставлю себя молчать. Сейчас поработаю над собой.

В кармане Ксюши прозвучал сигнал «мобильника».

Синешопов, напевая песню о благородном, милосердном священнике, положил на траву целлофановый пакет с колбасой «Кремлёвской» и отрезал от батона два кружка. Потом сел на пятки, открыл бутылку и, отведя левую руку с пробкой влево под прямым углом от себя, поднял бутылку к губам и поставил её вертикально.

– М – да, – протянул задумчиво директор ЦРУ. – Это русская классика. Я бы никогда не поверил, что вот так можно пить водку.

Сделав несколько сильных глотков, Синешопов закрыл пробкой бутылку, понюхал руку и начал закусывать, с удовольствием поглядывая по сторонам и в направлении свинарника. А точнее – в направлении туалета, который стоял за свинарником, сбоку от него.

Скушав кусочки колбасы, Синешопов бросил сумку в салон машины и, дёргаясь в ритме рок – н – ролла, быстрым шагом направился в туалет. Зашёл в него и закрыл дверь.

Директор посмотрел на наручные часы, засекая время.

– Он будет там сидеть 20 минут, потому что киношники натаскали для себя детективы. Ссорятся, стучат ногами по кабинке. Дважды она падала... Пойду я в коридор, подвигаюсь... Нервы... Этот... не могу запомнить его фамилию... каждый раз выводит меня из себя.

Директор махнул рукой в направлении бумажки, на которой была написана фамилия майора, вскочил с кресла и быстро покинул кабинет.

В это время в космосе два спутника-шпиона медленно приблизились к тому месту, откуда их аппараты могли прямо наблюдать действия Синешопова. А на верхней орбите в спутнике «Томагавк» включились тормозные двигатели, чтобы перевести спутник на более низкую орбиту. Этот удивительный аппарат был придуман, конечно, русским юношей, который с трудом увернулся от Армии, сбежал в США. Разумеется, после того, как действие аппарата было показано миру, Правительство России было в шоке. А потом, как это всегда было в России, с

кремлёвской трибуны выступила ткачиха, которая заклеила позором юношу. Верховный суд приговорил его к высшей мере защиты страны: к расстрелу, заочно. Был задействован Верёвкин, но службы безопасности США тщательно охраняли своё богатство. И Верёвкин не смог выполнить задание по ликвидации предателя Родины.

И вот уже три спутника – шпиона начали пристально следить за туалетом, ожидая появление из него Синешопова. А «Томагавк», снижая скорость, начал переходить на низкую орбиту, чтобы потом мощной поступью двинуться к Москве. За ним, конечно, следили с земли и боялись его...

– Привет, Катя. Ты можешь называть меня «Лёликом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.